

Алёна Волгина

Роза дракону
не подружка

16+

Энни Фишер

Алена Волгина

Коза дракону не подруга

«Автор»

2019

Волгина А.

Коза дракону не подруга / А. Волгина — «Автор», 2019 — (Энни Фишер)

Энни Фишер работает в команде сыщиков и мечтает стать лучшей из них. Но всё идёт дракону под хвост, когда по её вине пропадает драгоценный амулет семьи Фонтероев. Без этого амулета лорд Кеннет Фонтерой ежечасно рискует превратиться в огнедышащую ящерицу приличных размеров, что очень мешает его политической карьере. Поэтому лорд Кеннет недолюбливает "ищеек" и особенно Энни. Однако героям придется преодолеть взаимную неприязнь, чтобы вместе найти преступника, причем времени на поиски остается все меньше. Ниточка расследования ведет Энни то в светские гостиные Эшентауна, то в волшебные холмы, позволяя ей не только раскрыть преступление, но и узнать некоторые тайны своего прошлого.

© Волгина А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алена Волгина

Коза дракону не подруга

Глава 1

Чужой дом ночью – жуткое место. У меня было ощущение, что из темноты на меня смотрели сотни глаз. Я тенью соскользнула с подоконника, не потревожив ни одной складки тяжелой портьеры. Слева непроницаемой черной глыбой возвышалась кровать, закрытая балдахинном. Я прислушалась – с той стороны не доносилось ни звука. Хозяин дома, лорд Фонтерой, граф Хатфорд, сегодня должен был ночевать в другом месте. Это благоприятствовало моим планам, как и то, что ночка выдалась пасмурной. Сделав первый осторожный шаг, я замерла. Одиноким лунным луч пробился сквозь тучи и щель в портьерах, тускло блеснув на крышке богато инкрустированного бюро. Ага, оно-то мне и нужно!

В одно мгновение я пересекла темное пространство комнаты и уже потянулась было к вожделенному ящику, как вдруг... мое запястье перехватила другая рука. Я метнулась в сторону, как заяц. Отскочила, ударившись о кресло, вслепую ударила ногой. Мне почти удалось ускользнуть, но противник был начеку. Захват, подсечка, я теряю равновесие – и мы вместе падаем на кровать. Сверху шелестящим водопадом обрушился сорванный балдахин. Пока нападавший барахтался в складках тяжелого шелка, я успела вскочить на ноги. И сразу увидела в светлеющем прямоугольнике окна черную фигуру. Взмахнув рукой, она прыгнула вниз. Портьера колыхнулась и опала.

– Держите, он уйдет! – крикнула я, бросаясь к окну, но успела пробежать лишь пару шагов. Затылок вдруг пронзило ослепительной болью, и меня накрыла темнота.

Пробуждение было не из приятных. Очнулась я, сидя в кресле со связанными руками. Голова раскалывалась, глаза болели даже от слабого света. Я осторожно осмотрелась, сощурив веки. Комната была та же самая, только на бюро теперь горела свеча в серебряном подсвечнике, а напротив меня сидел лорд Фонтерой собственной персоной, который в эту ночь почему-то оказался дома. Вот же принесла его нелегкая! Судя по его виду, он даже не ложился. Фонтерой читал какой-то документ, и его лицо, наполовину скрытое в тени, отнюдь не лучилось гостеприимством. Пламя свечи и оконные занавеси слегка дрожали от легкого сквозняка. Значит, окно еще открыто! Я приготовилась было вскочить, но, почувствовав за спиной чье-то дыхание, снова обмякла в кресле. От двоих не сбежишь.

– Так значит, тебя прислал сам Тревор? – спросил Фонтерой, взмахнув листком бумаги.

Шеф советовал предъявлять этот документ лишь в самом крайнем случае. Будем считать, что сегодня он наступил. Честно сказать, мистер Тревор, главный магистрат с Коул-стрит, вовсе не посылал меня сюда. Мне было поручено лишь покрутиться вокруг особняка и доложить об увиденном.

Неделю назад лорд Фонтерой обратился к шефу с заявлением, что кто-то настойчиво пытается украсть его родовой амулет. В прошлом месяце его дважды пытались ограбить на улице. После второго нападения он был вынужден спрятать драгоценность в тайник. Шеф, который в прошлой жизни наверняка родился бульдогом, развернул целую операцию по поимке вора. Мне, как всегда, досталась роль доглядчицы. Несколько дней я добросовестно изображала то разносчицу фруктов, то служанку, то мальчишку на побегушках, а потом мне пришла в голову озорная мысль, что лучший способ проверить на прочность охрану особняка – попытаться проникнуть туда самой. Как оказалось, это была плохая идея. Фонтерой тоже держался начеку, и, пока мы боролись друг с другом, драгоценный амулет унес кто-то третий.

Но как он ухитрился пробраться мимо меня в особняк? Я могла бы поклясться, что перед моим вторжением в переулке за домом и в саду не было ни души.

– Молчишь, – недобро усмехнулся граф. – Ладно, тогда поговорим с самим Тревором, – и он кивнул кому-то за моей спиной: – Батлер, тащите ее в карету!

Копыта лошадей гулко стучали по брусчатке, распугивая редких прохожих. Я сидела рядом с Батлером, а Фонтерой расположился напротив и, казалось, дремал, вытянув ноги. Голова болела невыносимо. Болезненно поморщившись, я тихо попросила своего спутника:

– Пожалуйста, откройте шторку.

Свет редких уличных фонарей проник в карету, осветив высокую фигуру графа в дорожном плаще и шляпе. Его худощавое лицо с резкими чертами в тусклом полумраке казалось слишком бледным, особенно по контрасту с темными волосами. Безусловно, внешность у него была примечательная. Будь я художником, с радостью ухватила бы за возможность написать его портрет. Словно почувствовав мое любопытство, Фонтерой вдруг проснулся, пригвоздив меня холодным взглядом желтых глаз с вертикальными зрачками. Обмерев от страха, я невольно прижалась плечом к мистеру Батлеру.

Правильно говорят: не смотри в глаза дракону.

В этот момент наш экипаж остановился на Коул-стрит перед зданием суда. Граф первым выскочил из кареты, не дожидаясь, пока Батлер поможет мне спуститься. Старый Пит, дежуривший внизу, почтительно поклонился знатному посетителю и изумленно вытаращился, заметив меня, да еще в таком жалком виде: связанную, в лохмотьях уличного мальчишки и с растрепанными волосами. Кажется, он меня даже не узнал сначала:

– Энни?!

Я не успела ответить, так как железная рука Батлера уже утащила меня прочь, вверх по лестнице и дальше по слабо освещенному коридору, до самого кабинета мистера Тревоора, моего шефа. Лорд Фонтерой резко распахнул дверь и скрылся внутри. Батлер же, коротко кивнув, ушел обратно к карете, оставив меня в полутьме размышлять о содеянном.

Сидя в коридоре на жесткой скамье, я горестно вздохнула. Вот так трудишься изо всех сил на благо родного города, не ждешь плохого, пока в одну прекрасную ночь не совершишь глупость и – прощай, любимая работа! Я не сомневалась, что после сегодняшнего прокола мистер Тревор вышвырнет меня из "ищек". За годы службы мировым судьей он подобрал четверых человек, которые по-своему помогали ему охранять закон и порядок в Эшентауне. Их так и называли – "ищейки с Коул-стрит" или "серые капюшоны", из-за казенных серых плащей. Я попала в команду недавно, но уже успела ко всем привязаться. Изящный острослов Фокс, из которого едкие шуточки сыпались, как горох из худого мешка. Благоразумный, добросердечный Нед. Вечно голодный Долговязый Винс и тихий, незаметный Хаммонд. Смею надеяться, что они меня тоже любили – за веселый нрав, талант перевоплощения, хорошую память и умение не только забраться в любую щель, но и благополучно выбраться оттуда. Жаль, что сегодня это умение меня подвело.

За дверью взвился гневный голос Фонтероя – похоже, скандал набирал обороты. Я невольно поежилась. Когда-то на улицах Эшентауна меня наградили прозвищем Стрекоза Ночи. Ребята Тревоора, посмеявшись, сократили его до менее пафосного – Коза. Новая кличка меня ужасно бесила, но поделать я ничего не могла. А теперь не будет ни дурацкой клички, ни головкружителей авантюры, от которых сердце чуть не выпрыгивало из груди, ни долгих ночных совещаний, когда Долговязому Винсу приходилось несколько раз бегать в ближайший трактир за "подкреплением"...

Обшарпанные знакомые стены вдруг расплылись у меня перед глазами. Услышав чьи-то шаги, я поспешно вытерла слезы. Из темноты показался Нед Уолтер, тоже один из наших. Он

был подтянут, застегнут и готов к исполнению, даже в этот предутренний час, когда "люди дня" еще только потягивались в постелях, а "люди ночи" уже сворачивали свои делишки. Уолтер мог нести службу круглые сутки. Он просто не умел делать что-то вполсилы.

– Ох, Энни, – укоризненно вздохнул Нед.

Склонившись ко мне, он перерезал веревку на моих руках. Я потеряла затекшие кисти. На запястьях остались красные полосы. Нед протянул мне флягу, и я с благодарностью сделала крупный глоток. Напившись и пригладив волосы, я почувствовала себя гораздо лучше.

– Зачем, ну зачем ты туда полезла?

– Я хотела как лучше...

– В следующий раз захоти как хуже. Может, тогда нам удастся отделаться легким испугом.

Я сокрушенно шмыгнула носом. Да, Уолтер у нас образцовый ищейка, не то что я! Ему бы и в голову не пришло отступить от приказов начальства. Прикажи ему Тревор спрыгнуть со скалы – Уолтер не раздумывая сделал бы это. Разве что завис бы на секунду в воздухе, чтобы уточнить направление.

Дверь кабинета снова содрогнулась от крика. Нед, поморщившись, взялся за ручку:

– Пойду спасать Старика от этого монстра.

– Может, не надо? – робко спросила я.

Пожав плечами, Уолтер храбро шагнул за порог. Дверь за ним закрылась. Я со страхом ждала бури. Угораздило же нас связаться с таким клиентом! Когда Кеннет Фонтерой впервые появился в Управлении, мистер Тревор в тот же вечер собрал нас на совещание. Тогда мы узнали, что над графом с рождения тяготело старинное проклятье: каждая вспышка гнева на какое-то время превращала его в дракона. Началось все с его пра-пра-пра-бабки, леди Мелюзины, которая после свадьбы сильно удивила мужа, обернувшись драконихой и покинув замок через окно. Бедная женщина, должно быть, первая брачная ночь потрясла ее до глубины души! Впоследствии эта необычная способность регулярно проявлялась у ее потомков, доставляя массу неприятностей как им самим, так и окружающим. Чего стоил, например, случай, когда очередной граф Хатфорд, всплыв на охоте, превратил в пепелище несколько акров прекрасного леса. Или пикантная история с одной графиней, которая, разозлившись на фрейлин, вынудила их спасаться от своего огненного гнева в реке. Хорошо хоть обошлось без утопленниц.

Наконец, одному волшебнику удалось изготовить амулет в виде драконьего зуба, сглаживавший приступы озверения у Фонтероев. Без волшебного амулета их драконья сущность так и лезла наружу, особенно в стрессовых ситуациях, вроде сегодняшней. Сейчас как жажнет огнем и устроит нам птичкий базар!

Я снова с опаской покосилась на дверь и принялась. Нет, запаха гари пока не слышно. Неужели Уолтер сумел их помирить? Это было бы здорово! Должна признать, наш Нед умел обращаться со спорщиками. Его непрошибаемое спокойствие действовало на всех, как бочка масла на разъяренные волны. Любимым его выражением было: "Минутку, давайте разберемся".

Неожиданно дверь распахнулась, и из кабинета вышел граф, задев меня полой плаща. Он прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону. За ним, стараясь не отставать, последовал Уолтер. Оба свернули на лестницу и скрылись. А я с тяжелым сердцем поднялась навстречу начальству.

Мистер Тревор застыл на пороге: насупленный, коротконогий, с квадратными плечами, как никогда похожий на рассерженного бульдога. Я ждала, понуро опустив голову. Ох, что сейчас будет...

– Хуже дурака только дурак с инициативой, – процедил шеф. – Иди за ними. И работай.

От счастья я не сразу поверила своим ушам. Наспех пробормотала слова благодарности и бросилась прочь, пока Старик не передумал. Ура! Меня не выгонят! Я остаюсь в команде!

Перед крыльцом Управления лорд Фонтерой и Уолтер как раз усаживались в карету.

– Подождите! – крикнула я, спотыкаясь на ступеньках.

Мистер Батлер демонстративно захлопнул дверцу перед моим носом. Хлестнул кнут – и карета понеслась прочь, оставив меня стоять на холодной предрассветной улице.

Глава 2

Под утро в городе выпал первый снег. Четкие следы кареты отпечатались на нем ровными полосами. Я смотрела на них и размышляла. Мой форменный плащ, аккуратно свернутый, остался лежать в графском саду. Если, конечно, его не прихватил тот ушлый воришка. Можно было вернуться в Управление за теплой одеждой, но я слишком боялась опять нарваться на мистера Тревора. Вдруг приступ благодушия у него уже миновал? Нет, лучше не рисковать. Дойду и так, мне не впервой мерзнуть.

Над городом поплыл протяжный звон, когда церковный колокол звонко отсчитал семь ударов. Небо на востоке уже посерело и казалось таким низким, что его можно было коснуться зонтиком. Город постепенно просыпался. Заскрипели открываемые ставни, на Цветочном рынке, находившемся неподалеку, снова началась обычная суета. В тишину улиц ворвался грохот телег, развозивших цветы и овощи. Свет фонарей стал бледнее, а строгие очертания каменных особняков – более отчетливыми. Мимо промчался мальчишка из редакции, прижимая к груди пачку утренних газет. Запах горячих рогаликов, долетевший из булочной, заставил меня мучительно слотнуть. Как назло, у меня при себе не было ни фартинга! В воздухе снова закружились снежные хлопья, занавесив улицы белой пушистой кисеей. Сразу посветлело. Снег был не самым приятным попутчиком, он щекотал мне щеки и набивался в ботинки. Редкие прохожие, спешившие на рынок или на службу, удивленно косились на "мальчишку", бредущего с непокрытой головой, в легкой рубашке и ветхой курточке. Потом пожимали плечами и шли дальше. В большом городе люди нелюбопытны.

Я пересекла пустую гулкую площадь, миновала сквер, в котором безмолвно спали скованные морозцем бледно-желтые деревья. Прошла мимо строительных лесов, оцетинившихся вокруг будущей Часовой башни. Эшентаун заново отстраивался после Большого пожара, случившегося сто лет назад. Прокладывались новые улицы, прямые, как лезвие меча; новые дома росли как на дрожжах. Конечно, так было не везде. В городе хватало и ветхих закопченных лачуг. В одной из них прошло мое детство, возможно, не совсем образцовое с точки зрения закона, но вполне счастливое.

К тому времени, когда я добралась до графского особняка, я успела продрогнуть до костей. Заледневшими пальцами кое-как постучала в тяжелое бронзовое кольцо на двери. Каменные перила крыльца украшали пышные снежные подушки, а на моих плечах успели нарасти белые погоны. Отряхнувшись, как кошка, я разозлилась и постучала еще раз. Они что, решили оставить меня на улице? Наконец, дверь приоткрылась. Сверху на меня уставились бесстрастные глаза моего недавнего знакомого – мистера Батлера, глядевшие с профессиональной вежливостью вышколенного дворецкого, как будто это не он три часа назад тащил меня за шкуру в участок.

– Д-доброе утро. Можно войти? – спросила я и чихнула.

Батлер посторонился, пропустив меня в холл, из которого дохнуло теплом и уютными запахами богатого дома. Дворецкий помог мне обмести снег с ботинок и удалился, чтобы доложить о моем прибытии. Я осмотрелась. В прошлый ночной визит я проникла в здание через окно на втором этаже, так что моим глазам впервые открылся холл во всем его великолепии. Обстановка здесь была прямо как в замке. Стены отделаны темными дубовыми панелями, на одной из них висела голова дракона (надеюсь, не настоящая), на другой – два парадных портрета. Широкая лестница в глубине холла вела на второй этаж. Откуда-то, вероятно, из кухни, доносились женские голоса.

– Господа сейчас в библиотеке, – сообщил мне вернувшийся Батлер. – Прошу вас.

В библиотеке, залитой серым утренним светом, находились двое. Лорд Фонтерой и Нед Уолтер склонились над чертежом, разложенным на столе. С моим появлением дискуссия обо-

рвалась. Мужчины нахмурились и смолкли, так что было слышно только неуместное торопливое тиканье часов на каминной полке. На лице графа обозначилось выражение крайней досады, словно он вдруг заметил мышь посреди своей чистенькой библиотеки. Бросив на меня неприязненный взгляд, он холодно произнес:

– Тревор уверял меня, мисс Фишер, что в ловкости и сообразительности вам нет равных. Пока что я не имел удовольствия оценить ваши таланты, но готов дать вам шанс. До окончания расследования вы и мистер Уолтер будете жить в этом доме. Нам необходимо как можно скорее вернуть амулет. Ступайте в свою комнату, а завтра все обсудим.

– Но... я могла бы... апчхи!

– Батлер, – попросил граф, не дослушав, – попросите Агату, чтобы она отвела эту особу в постель.

– Да, сэр.

Дворецкий аккуратно придержал меня за плечо и вывел из комнаты. Я собиралась взбунтоваться, однако следующий мощный чих едва не сбил меня с лестницы. Пришлось признать, что как ищейка я сейчас действительно никуда не гожусь.

Горничная Агата оказалась первым человеком в этом злосчастном доме, кто проявил ко мне хоть каплю сочувствия. Это была веселая, смешливая девушка с милым лицом и длинной рыжеватой косой толщиной с мою руку. Любая работа у нее так и спорилась. При виде меня она всплеснула руками и решительно взялась за дело. Вскоре я уже лежала в чистой постели с горячей грелкой в ногах, а мой нос щекотал густой, упоительно вкусный аромат. По мнению Агаты, лучшим средством от простуды, сотрясения мозга и прочих жизненных неурядиц была чашечка горячего шоколада с сахарным печеньем.

– Спасибо! – искренне сказала я.

– Не за что, – ответила она, смешливо наморщив нос и подбирая с пола мои промокшие одежды. – Это я, пожалуй, постираю. Отдыхай.

Мне хотелось побольше расспросить ее обо всех, кто жил в особняке, потому что это пригодилось бы для следствия, но едва я успела поставить чашку на поднос, как меня сморил сон.

Очнулась я в холле старинного замка. Здесь было темно, как в колодце, лунный свет едва пробивался в высокие узкие окна. Вокруг моей руки обвилась серебряная цепочка, а, разжав ладонь, я увидела драконий клык, оправленный в серебро. Значит, вот ты какой, пропавший амулет...

В гулкой темноте холла слышалось чье-то грозное ворчание. Я попятилась, когда каменные плиты содрогнулись от тяжелой поступи. Что-то просвистело в воздухе, потом с грохотом обрушилось на одну из колонн, высекая искры. Не иначе, разгневанный дракон явился за пропажей! Что же делать? В пустом холле спрятаться было негде. Я прижалась спиной к колонне, чувствуя тяжелое дыхание притаившегося во тьме чудовища. Луна давала слишком мало света, чтобы оценить обстановку. Дракон шумно втянул в себя воздух. Сейчас он меня учует, и тогда... В отчаянии подняв голову, я увидела, что поверху холл опоясывала деревянная галерея. Недалеко от меня вдоль стены висела узкая винтовая лестница.

Собрав все силы, я со всех ног бросилась туда. За моей спиной взревело. Яркая вспышка на миг ударила по глазам, но я уже птицей взлетела на три пролета, споткнулась и вылетела на галерею, больно стукнувшись коленями и локтями о пыльные доски. Интересно, кстати, чей замок мы сейчас калечим? Это было не жилище Фонтероев. На их гербе красовался дракон, а передо мной на стене висел белый вепрь, освещенный луной.

Наверху я почувствовала себя в относительной безопасности, хотя всё равно хотелось убраться от дракона подальше. На галерею выходили две двери. Одна из них ничем не могла мне помочь, так как на ней висел солидный замок. Другая была открыта, но клубившаяся за

ней холодная тьма заставила меня отступить. Эта тьма сама была словно распахнутая дверь. Она притягивала и звала. Сквозь оскорбленное рычание, доносившееся снизу, мне отчетливо слышалось: "Анна..."

Спасибо за приглашение, но что-то не хочется. Доски под моими ногами вдруг задрожали. Похоже, дракон вознамерился взобраться следом, но безнадежно застрял в узком проходе. На лестницу обрушился удар такой силы, что с пола поднялись фонтанчики пыли. Раздался треск, я вскрикнула... и проснулась.

Оказалось, меня разбудили вопли угольщика за окном. Несмотря на жуткий сон, ноющий затылок и серую утреннюю хмарь, я проснулась в отличном боевом настроении. Маленькая комнатка с низким скошенным потолком была пуста, вторая кровать, стоящая у другой стены, аккуратно заправлена. Должно быть, Агата давно поднялась. Не успела я умыться и собраться с мыслями, как за дверью послышались шаги и чьи-то голоса. В комнату вошла раздурманенная горничная с подносом в руках, а следом за ней – застенчиво улыбающийся Уолтер. От его широких плеч в комнате стало тесно.

– Как мило, что ты решил меня навестить, – улыбнулась я, кутаясь в шаль поверх теплой фланелевой рубашки, одолженной у Агаты.

Оказалось, что Уолтер помимо хорошего настроения принес мне еще горсть орехов. Орехи! Я готова была его расцеловать. Все "серые капюшоны" знали о моей маленькой слабости. За кулек с орехами меня можно было подбить на что угодно. Ну, почти на все. Агата неодобрительно посмотрела на нас:

– Энни еще больна. Ей нужен бульон и легкий пудинг.

Она поставила рядом со мной поднос, где рядом с чашкой супа на блюдечке дрожало что-то студенистое. Такой завтрак больше подошел бы больной старушке, чем здоровой девице двадцати лет от роду.

– Может, лучше чашечку шоколада? – жалобно попросила я.

Агата фыркнула, но, оценив мою несчастную физиономию, согласилась сходить на кухню. Нед проводил девушку долгим задумчивым взглядом. Надо же! Кажется, жизнерадостная красота Агаты произвела на него сокрушительное впечатление. Обычно собранный и серьезный, Уолтер сейчас выглядел непривычно растерянным. Чтобы случайно не обидеть друга неуместной шуткой, я сгребла в рот еще несколько орехов.

– Белка ты, а не Коза, – ласково пошутил он, дернув меня за распутившийся локон. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше, спасибо.

Нед сделал суровое лицо:

– Меня радует твоя неуязвимость. Что бы ни случилось – встала, отряхнулась и пошла дальше. И все-таки, Энни, в следующий раз попробуй сначала подумать, прежде чем лезть в авантюры!

У меня не было настроения выслушивать его проповеди, так что я позволила себе перебить:

– Дорогой Нед, есть три ловушки, которые воруют радость: сожаление о прошлом, тревога о будущем и неблагодарность за настоящее. Я стараюсь избегать каждой из них. Так проще жить, поверь мне.

– Очередная мудрость от Козы?

Я пожала плечами. Детство, проведенное на улицах Эшентауна, научило меня многому.

– Лучше расскажи, до чего вы вчера договорились. Я все проспала!

– Ничего особенного. Днем я на всякий случай прошелся по волшебным лавкам, но драконий амулет никто не продавал.

– Ба! Не думаю, что кто-то спер его ради наживы, – усмехнулась я. – Скорее всего, это месть. С таким бешеным характером, как у Фонтероя, врагов у него должно быть немеряно!

– Ты с ним полегче, – нахмурился Уолтер. – Ему и так перед тобой неловко. Да? Отчего это? Я изумленно воззрилась на своего напарника.

– Граф Хартфорд – человек благородный, хоть и дракон. Он никогда бы не ударил женщину. А тебя так приложил, что ты второй день с постели не встаешь.

Да, с женщинами Фонтерой обходиться умеет, это я помню. Мы всесторонне изучили биографию нашего клиента, когда взялись за это дело.

– Он тебя просто не разглядел в темноте, вот и принял за шустрого парня. Вчера он даже хотел перед тобой извиниться, но был так зол из-за амулета, что боялся обернуться драконом и спалить тебя прямо на месте.

– Так, все, извинения приняты! – всполошилась я. – Честное слово, у меня к нему никаких претензий!

– Зато у него к тебе... – Нед выразительно закатил глаза, а я скорбно вздохнула.

Вот я недотепа! Это же надо – так все испортить! Теперь в моих интересах было как можно реже попадаться на глаза ограбленному графу. Но как тогда вести поиски?

К счастью, в этот момент вошла Агата с новым подносом, на котором теснились три чашки с горячим шоколадом. Один запах этого напитка внушал оптимизм и надежду, что все как-нибудь образуется. Может быть, Фонтерой еще успокоится. А уж я приложу все силы, чтобы вернуть пропажу!

Глава 3

Проживание в доме Фонтероя обернулось для меня еще одним недоразумением. Затребовав назад свою одежду, я получила вместо нее глухое темное платье с белым кружевным воротничком. Почти такое же, как у горничной.

– Что это? – с ужасом спросила я. – Это мне?

– Распоряжение его милости, – развела руками Агата. – Он сказал, что в своем доме не потерпит никаких девиц в мужской одежде.

Вместо утраченного плаща я получила добротную темную накидку, невзрачную коричневую шляпу и крепкие башмаки. Все это вместе составляло приличный наряд девушки из небогатой семьи, то есть было практичным, скромным и невероятно унылым.

– Лорд Фонтерой, видимо, плохо представляет себе специфику нашей работы, – ворчала я, разглаживая складки ладонью.

Хороша бы я была в платье, когда мы брали Прыткого Джека! Разве у меня получился бы такой шикарный удар пяткой? Да я бы рухнула, запутавшись в юбках, сорвала операцию, насмешила ребят и разозлила Старика, вот и все. А в другой день, когда за мной гнался Барон с ножом в лапе? Помню, я тогда шестифутовый забор перемахнула играючи, даром что сама росточком не вышла. Жить захочешь – еще не так взлетишь.

Но графу я этого объяснить не смогу, а пока мы не найдем амулет, его лучше не злить. Так что я безропотно облачилась в неудобное платье и спустилась вниз, в библиотеку, где меня уже поджидал Нед. Он весь сиял от нетерпения поскорее посвятить меня в подробности дела.

– К сожалению, наш таинственный вор практически не оставил следов, – рассказывал Уолтер. – Снаружи мы тоже ничего не нашли, тем более что в ту ночь сыпал снег.

– А во время дежурства вы никого не заметили?

В ту злосчастную ночь Нед и Фокс с Винсом должны были следить за домом с другой улицы, со стороны черного хода.

– Ничего особенного. Незадолго до происшествия в переулке остановился экипаж, но стоял там недолго. Из него вышел человек и постучал в дом напротив. Его спутник тоже вышел, вероятно, чтобы размять ноги. Я видел, как он прогуливался возле кареты. Никто из них не пытался проникнуть в графский сад, и уж тем более не подходил к дому. Потом они уехали. Еще до того, как тебя утащили в суд.

– А если у вора был сообщник в доме?

– Это я проверил в первую очередь. После того, как на него во второй раз напали на улице, граф рассчитал большинство слуг. Остались только трое. Во-первых, Батлер. Он совмещает обязанности дворецкого и камердинера. Очень предан хозяину, даже сейчас отказался его покинуть, хотя Фонтерой предложил дать ему денег, чтобы тот смог открыть свое дело. Мне кажется, они почти друзья, насколько это возможно между людьми из разных кругов. Во-вторых, миссис Бонс, повариха. Она служит Фонтероям не один десяток лет, хотя многие хозяйки в городе не прочь переманить ее к себе. Прекрасный кулинар, мастер своего дела.

М-м, это точно. Я вспомнила нежнейший пирог с яблоками, который мне довелось попробовать сегодня утром, и мечтательно вздохнула. Ответственно заявляю: человек, который готовит такие яства, просто не может быть преступником.

– Наконец, мисс Агата Доусон... – теперь мечтательные нотки прорезались в голосе Уолтера.

– Безусловно, она вне подозрений, – хихикнула я. – Поздравляю, у тебя хороший вкус.

– Мисс Агата Доусон, – терпеливо повторил Уолтер, толкнув меня локтем в бок. – Устроилась сюда два года назад, то есть, еще до того, как началась эта канитель с амулетом. Миссис

Бонс стоит за нее горой. Говорит, что у нее никогда не было такой ловкой и толковой помощницы.

Я задумалась. Все обитатели графского дома были на редкость порядочными людьми. Значит...

– Значит, остаются те джентльмены из экипажа, – вздохнула я. – Больше у нас нет никаких зацепок.

– Согласен, с жильцами из соседнего дома нужно поговорить. Что это за гости ездят к ним среди ночи? Пойду туда.

– Я с тобой.

Соседний особнячок, стоявший в тихом переулке, имел вид гораздо более скромный, чем графский дворец, но выглядел очень опрятно. Это был двухэтажный краснокирпичный дом с высоко торчащими каминными трубами, окруженный небольшим палисадником. Дворецкий, открывший нам дверь, напоминал уменьшенную и несколько более округлую версию Батлера. Выражение лица у них было абсолютно одинаковым. Вероятно, оно выдается вместе с ливреей при вступлении в должность.

– Чем могу служить, господа? – спросил он, осмотрев нас и почему-то задержав взгляд на мне.

– Чей это дом? – поинтересовался Уолтер.

– Мистера Мэллори, сэр.

– Он сейчас дома? – спросила я.

– Сэра Теренса Мэллори? – одновременно воскликнул Нед. – Того самого Мэллори? Знаменитого путешественника?

– Да, сэр. К сожалению, хозяина сейчас нет, сэр.

– Позапрошлой ночью сюда приходил один джентльмен...

– Да, сэр. Он тоже спрашивал мистера Мэллори.

Отвечая, дворецкий почему-то снова пристально посмотрел на меня. Я вздохнула. По всему выходило, что странный ночной визит не имел отношения к краже...

– Кажется, у того джентльмена было дело и к вам, мисс, – вдруг добавил дворецкий.

– Ко мне?!

– Видите ли, сегодня утром он вернулся. Он сказал, что, вероятно, его будет искать "очаровательная зеленоглазая леди", и оставил вам письмо.

– Как он выглядел?

– Какое письмо? – одновременно спросили мы с Недом.

– Довольно высокий джентльмен, крепкого сложения, в темном плаще, с рыжеватыми усами и бородой, – ответил дворецкий и ушел в дом за письмом.

Мы с напарником изумленно переглянулись.

– Знать не знаю никаких рыжих джентльменов! – решительно заявила я.

– Борода могла быть и фальшивой. Потом он ее отклеит, плащ с накладками снимет – и никто его в жизни не узнает! – разволновался Нед.

Тут вернулся дворецкий, держа в руках конверт. На нем не было ни имени, ни адреса. Я снова засомневалась:

– Почему вы решили, что письмо адресовано мне?

Дворецкий горячо поклялся, что за семь лет, пока он имел честь здесь служить, я первая зеленоглазая леди, переступившая порог этого дома. Он так настаивал, что мне пришлось-таки взять письмо. Распровавшись с вежливым господином, который был явно рад от нас избавиться, и попросив его известить нас, если таинственный визитер объявится снова, мы с Недом медленно пошли обратно. Не утерпев, я распечатала письмо прямо на улице. Была надежда, что оно содержит какую-то подсказку, но нам пришлось жестоко разочароваться.

– Здесь какая-то бессмыслица! – воскликнула я с досадой, прочитав текст два раза. – Больше похоже на дурацкую любовную записку. Вряд ли нам это поможет.

*«В тайных садах нежданных встреч
Твой нежный взгляд хочу сберечь
Пытаюсь снова вновь и вновь
Ищу тайный смысл невнятных слов» (*)*

Бросив взгляд на напарника, я заметила, что он смотрит на меня как-то странно. С нехорошим таким подозрением.

– Энни, – очень серьезно сказал Нед. – Поклянись мне, что ты действительно не имеешь отношения к краже амулета.

Это предположение возмутило меня до глубины души:

– Дьявольщина! Неужели ты думаешь...

– Я могу предположить, что твои старые знакомые из Доков или из Галереи Искусств были бы счастливы натянуть нос титулованной особе и умыкнуть амулет!

Галерея Искусств – это неприметный узкий тупичок в районе Кречи, за Старой часовней. Любой из обитателей этого гиблого квартала может легко и непринужденно избавить вас от кошелька, всего лишь справившись, который час. Или подделать вексель, так что не отличишь. Многие из этих милых людей действительно когда-то были моими хорошими приятелями.

– Нед! Клянусь тебе, что я здесь ни при чем!

Я чуть не плакала. Да, мое прошлое до встречи с мистером Тревором было небыстречно. Но с тех пор, как я работаю в магистрате, я ни разу не позволила себе спереть даже булку у разносчика! Неужели меня всю жизнь будут попрекать за старые грехи!

Уолтеру, кажется, стало меня жаль.

– Ну ладно, ладно... – Он неловко обнял меня и погладил по плечу. – Не плачь, Энни, я тебе верю. Наверное, лучше не рассказывать графу об этом письме, – добавил он, понизив голос. – Он и так относится к тебе с подозрением.

Мы оба посмотрели на дверь графского особняка, и я вздрогнула, наткнувшись на угрюмый взгляд лорда Фонтероя. От страха у меня отнялся язык. Как долго он стоит там на крыльце? Что он успел услышать?

– Добрый день, господа, – резко сказал граф, спускаясь нам навстречу. – Надеюсь, я не помешал?

– Нисколько, сэра, – спокойно произнес Нед, выпустив мою руку. – Мы всего лишь расспрашивали жителей соседских домов о событиях той ночи.

– Рад видеть, что мисс Фишер сегодня чувствует себя лучше.

В темных глазах Фонтероя вспыхнули золотистые искры. Он стоял рядом, высокий и стройный, солнечный свет подчеркивал резкие черты его бледного лица и поблескивал в темных волосах. Я почувствовала, что меня словно затягивает в омут, а потом с изумлением услышала собственный голос, бормочущий слова благодарности.

– Надеюсь, вы оба присоединитесь ко мне за обедом, – сказал Фонтерой. – Я хотел представить вам своего друга.

Кивнув нам на прощание, он удалился. Только когда мы с Недом вошли в холл, отгородившись от графа прочной дубовой дверью, я смогла вынырнуть из омута и перевести дух. Положительно, этот человек-дракон действовал на меня гипнотически!

– Не забудь про обед, – напомнил Нед, бросив на меня озабоченный взгляд.

Я с мысленным стоном направилась в сторону кухни, чтобы отдохнуть душой в обществе миссис Бонс, а заодно и подкрепиться перед предстоящим пугающим мероприятием. Официальный обед с хозяином дома! Уверена, что в присутствии лорда Дракона мне кусок в горло не полезет.

*(прим. *: В письме действительно скрыто зашифрованное послание, но без дополнительных подсказок, которые будут даны в следующих главах, его вряд ли можно разгадать).*

Глава 4

Стол в графской столовой был сервирован роскошно. Белоснежная скатерть искрилась, как свежесвыпавший снег. Посреди стола в узорчатой вазе стоял пышный букет чайных роз. Суп в фарфоровой супнице источал бархатистую смесь ароматов, еще более обостривших наш с Недом аппетит, разгулявшийся после прогулки. Уютно поблескивало столовое серебро. Хозяин дома был одет под стать окружающему его великолепию: щегольской сюртук из превосходного синего сукна, брюки безупречного покроя, полосатый жилет и тщательно повязанный галстук. Темные непослушные волосы были аккуратно стянуты в пучок тонкой лентой, из украшений на графе был только массивный золотой перстень с печаткой. Мы с Недом уселись за стол как деревянные, не решаясь лишней раз взглянуть друг на друга. Мне еще ни разу не приходилось обедать в такой помпезной обстановке.

К счастью, появившийся вскоре гость лорда Фонтероя рассеял всеобщую неловкость. Это был необыкновенный человек! Начать с того, что он опоздал на десять минут. Агата уже успела разлить суп по тарелкам, когда в столовую порывисто влетел щуплый пожилой джентльмен. Его пышные седые волосы топорщились, словно пух одуванчика.

– Амброзиус, – представился он, тепло улыбнувшись мне и пожав руку Неду.

Глаза у него были удивительно яркие, чистого голубого оттенка.

Мистер Амброзиус – поэт, мистик и ученый, – отрекомендовал его граф.

– Скажи прямо: волшебник, – подмигнул странный гость, разворачивая салфетку и без церемоний принимаясь за суп. – Я узнал о твоей проблеме, мой мальчик, и прибыл в Уолбрук с первым же снегом.

– Эшентаун, – поправил Фонтерой. – Этот город уже давно называется Эшентаун.

– Вот как? – гость растерянно моргнул. – Значит, Большой пожар уже был?

– Да, всего лишь сотню лет назад, – заметила я, с интересом разглядывая старика. Он казался таким хрупким, будто и в самом деле родился из снежной метели. У него было худощавое умное лицо, на котором легко вспыхивала улыбка, изящные кисти рук, и он носил старомодный сюртук такого узкого покроя, что втиснуться в него можно было действительно только с помощью волшебства. Или с помощью парочки крепких лакеев.

– У мистера Амброзиуса весьма своеобразные отношения со временем, – сказал мне Фонтерой.

– Да, для меня перейти из завтрашнего дня во вчерашний так же просто, как вам, мадемуазель, пройти из одной комнаты в другую. Я-то уже привык, хотя иногда это создает определенные неудобства. Как справедливо заметил один из мудрецов, время ничем не отличается от любого из трех пространственных измерений, кроме того, что наше сознание движется вдоль него (*).

С этими словами Амброзиус беззаботно улыбнулся и с аппетитом принялся за еду.

Он показался мне слегка сумасшедшим, но это было безобидное, обаятельное сумасшествие. Отдавая должное прекрасно приготовленным блюдам, он в то же время ухитрялся поддерживать беседу со всеми одновременно. Ему даже удалось разговорить застенчивого Неда, заставив его припомнить несколько случаев из сыщицкой практики. Обстановка в комнате теплела с каждой минутой. Даже наш грозный хозяин в присутствии мистера Амброзиуса внезапно превратился в почти приятного человека.

Конечно же, я опять все испортила неловким вопросом:

– Господин Амброзиус, ваше появление – это невероятная удача для нас! Если вы на короткой ноге со временем, тогда, может быть, вы согласитесь вернуться на сутки назад и взглянуть, кто похитил амулет позапрошлой ночью?

Взгляд Фонтероя сразу потух, и он угрюмо отвернулся.

– К сожалению, это невозможно, дитя мое, – мягко ответил волшебник. – Как ни парадоксально, но гораздо безопаснее перенестись на сто-двести лет вперед или назад, чем вернуться во вчерашний день!

– Но почему?

– Представь, что ты бросаешь в воду камень. От него пойдут круги, верно? Человеческая жизнь – это такой же камень, который оставляет след во времени. Лет через сто твои "круги" сгладятся, и ты сможешь навестить ту эпоху, никому не навредив и не вызвав опасных нарушений в хрупкой структуре бытия. Однако если ты переместишься в недавнее прошлое или будущее, последствия могут быть непредсказуемыми!

Я мрачно подумала, что некоторые недотепы вроде меня оставляют в кильватере такие буруны, которые не изгладятся и за сотню лет. Если, например, разбуженный мной дракон разрушит половину Эшентауна.

– Но вы хотя бы сможете сделать новый амулет? – спросила я уже менее уверенно.

– Сделаю, что смогу, – заверил Амброзиус. – Это не так-то легко! Прежде всего, где мне раздобыть еще один драконий клык?

Мы все как по команде посмотрели на графа.

– Даже не надейтесь, – сквозь зубы процедил Фонтерой.

– Увы, человеческое сознание отступает перед мощью дракона, – вздохнул Амброзиус. – Поэтому попросить Кеннета, когда он превратится, пожертвовать один из зубов на благое дело вряд ли выйдет. Обернувшись драконом, человек теряет разум и приобретает повадки хищного зверя. В летописях сохранилась история последнего дракона Альфреда, шестого графа Хатфорда, который, утратив самоконтроль, разрушил одну из башен своего замка Лусси и спалил полдеревни, прежде чем крестьяне отогнали его отравленными копьями. Таким образом он попался в ловушку проклятья, которое гласило, что если граф убьет человека, находясь в драконьем обличье, то навсегда останется драконом. Когда настало просветление, несчастный рыцарь ужаснулся тому, что натворил, и в отчаянии бросился с обрыва в реку.

– Вот дьявольщина! – невольно вырвалось у меня.

Фонтерой неодобрительно вздернул бровь:

– Я совершенно согласен с характеристикой, которую вы, мисс Фишер, дали моему несчастному прародителю, – холодно сказал он, – но был бы признателен, если бы вы потрудились выразиться более изящно. Вульгарные ругательства вам не к лицу.

Что? От его замечания я вообще лишилась дара речи. Ругаться, значит, вульгарно! А спалить десяток невинных людей – это ничего, в порядке вещей?!

– Именно из зуба того дракона мой предшественник Мерлинус сделал амулет, – поспешно добавил волшебник, очевидно, желая уладить конфликт.

«Почему же он заодно не сделал запасной? – подумала я с возмущением. – Ведь зубов у того дракона наверняка хватило бы на целое семейство! Все-таки волшебники – удивительно непрактичные существа».

В этот момент в столовую вошла Агата с блюдом жареных куропаток, и манящий аромат нового кушанья заставил меня позабыть о других чудесах. Девушка ловко разложила по тарелкам жаркое с кукурузными оладьями, собрала ненужную посуду и бесшумно исчезла. Все это заняло у нее не больше двух минут. Я начала понимать, почему миссис Бонс так ценит свою помощницу.

– Что ты собираешься делать, Кеннет? – спросил Амброзиус, поливая оладьи соусом. – Уедешь в Горючий Камень?

– Нет, – резко ответил граф. – Сейчас идут важные переговоры с Сацилией. Я не могу уехать.

– Ах да, Сацилия... – Амброзиус помрачнел, однако воздержался от комментариев. Кажется, обсуждать политику за семейным столом здесь тоже считалось дурным тоном.

Мне было бы спокойнее, если бы потенциальный дракон убрался в свое родовое гнездо. От одной мысли, что над Эшентауном, покой которого я поклялась защищать, будет кружить огнедышащее чудовище, становилось не по себе. Я представила мощный старинный замок, словно вросший в скалу, с грудой камней на месте разрушенной башни после буйства, учиненного драконом Альфредом. Хотя ее наверняка уже отстроили заново. Мистер Амброзиус тем временем с сожалением оглядел стены гостиной, обитые бледно-желтым штофом, и бросил прощальный взгляд на бежевый ковер с гроздьями пышных цветов.

– Мне нравится твой вкус в отделке комнат, – вздохнул он. – Но, боюсь, пятна копоти на стенах и дыры в коврах не украсят эту изящную гостиную. Этот дом слишком хрупок для дракона.

Тут еще Нед подбросил дровишек в костер, озвучив наше с ним общее опасение:

– Мистер Амброзиус, – спросил он, нахмурившись, – а что если злоумышленник из ненависти к графу уничтожит амулет?

– О, сломать такую вещь еще сложнее, чем сделать, – отмахнулся волшебник.

– К тому же, я бы это почувствовал, – саркастически заметил Фонтерой. – Если кто-нибудь попытается распилить амулет или бросить его в огонь, меня ждет целый букет невероятных ощущений! Никакие пытки в Холодном доме не сравнятся с этим!

Да уж, не позавидуешь. Я поспешно уткнула нос в тарелку, прячась от опасного блеска золотистых драконьих глаз и пытаюсь справиться с новым приступом вины. Остаток обеда прошел в тягостном молчании.

*(прим. *: Мистер Амброзиус цитирует Герберта Уэллса)*

После того как лорд Фонтерой и мистер Амброзиус разошлись по своим комнатам, мы с Недом отправились на Коул-стрит, где мистер Тревор сегодня собрал "ищек" на очередной совет. Оказавшись в знакомом кабинете, я с облегчением забралась на свое законное место – в оконную нишу, освещенную пламенем камина. Наконец-то можно было расслабиться! Я ужасно устала следить за каждым своим словом и жестом. Здесь, в логове "серых капюшонов", мы чувствовали себя как дома, не то что в чопорном графском особняке.

Нед присоединился к остальным сыщикам, которые постепенно рассаживались за дряхлым скрипучим столом. Тучная фигура мистера Тревора тонула в глубоком кресле, в вечерней полутьме кабинета иногда вспыхивал огонек его трубки. Хаммонд, выглядевший сегодня почти стариком, устроился в углу рядом со шкафом, набитым растрепанными, замусоленными книгами. Хаммонд был, что называется, сыщиком "старой школы". Казалось, вся его энергия была направлена на то, чтобы не дай бог не сделать чего-нибудь лишнего, не перетрудиться. А потом, совершенно убедив всех в своей никчемности, он вдруг изрекал из своего угла нечто такое, что заставляло взглянуть на проблему под новым углом. В этом человеке таилась бездна пронизательности.

Рядом с Хаммондом, придвинув ногой деревянный табурет, уселся Фокс. Эти двое составляли изумительно контрастную пару. На Хаммонде любой, даже новый сюртук спустя полчаса приобретал мятый и тусклый вид. Фокс, изящный и подтянутый, сделал бы честь любому клубу на улице Святого Дживса, где обычно проводили время городские щеголи. Мое появление отчего-то очень его обрадовало:

– С днем рождения, Коза! – весело воскликнул он.

– До моего рождения еще целых три месяца, – буркнула я, хотя сама не знала точную дату. В приюте мне сказали только, что это было зимой. Редко кто из детей-сирот мог похвастаться точными фактами из своей биографии. Например, мне дали фамилию Фишер, так как от корзины, которая служила мне временным пристанищем, нестерпимо воняло рыбой.

– Вчера ты, считай, второй раз родилась, – добавил Фокс более серьезным тоном. – Ты забыла главную ищейскую заповедь: не совать нос, куда не следует, а это правило не из тех, что можно нарушить дважды. Тебе крупно повезло.

Вспомнив про ноющую шишку на голове, я мысленно согласилась. Действительно повезло, спасибо густой шевелюре. К счастью, мистер Тревор не стал развивать эту тему. Он молчал, дымя трубкой, и по комнате расплывался уютный запах табака. На специальной подставке позвякивал крышкой тяжелый закопченный чайник. Долговязый Винс, пристроив на краешке стола свежую газету, резал крупными кусками принесенные пироги с бараниной.

– Отстань от девчонки, ей и так досталось, – одернул он Фокса. – Лучше давай сюда кружки. А ты, Коза, не смущайся, садись поближе.

Фокс одним плавным движением стянул с полки несколько кружек и расставил их на столе. Его длинные изящные пальцы так и мелькали. Я подумала, что эти руки очень пригодились бы шулеру. Или фокуснику. Пламя в камине вдруг вспыхнуло ярче, осветив его худое бледное лицо и хмурые глаза, в которых на мгновение показалась застарелая усталость. Иногда мне казалось, что в прошлом Фокса скрывалось еще больше темных пятен, чем в моем.

Мистер Тревор, не торопясь, вынул изо рта трубку, прочистил ее и убрал.

– Что сделано, то сделано, – сказал он. – Амулет пропал, значит, будем искать вора.

Винс разлил по кружкам горячий чай. Тревор, подумав, достал из стола специальную бутылку, появление которой ишейки встретили радостным трепетом. В каждую кружку наш шеф плеснул по глотку рома. Значит, совещание будет долгим.

– Странно, что на графа Хатфорда ополчились только сейчас, – заметил Нед. – Вот если бы десять лет назад!

Все согласно загомонили. Десять лет назад похождения юного Фонтероя давали обильную пищу для светского злословия и газетных сплетен. Светский хлыщ, равно удачливый и в любви, и в картах. Наследник приличного состояния. Непревзойденный дуэлянт, умеющий попасть в очко карты со ста шагов даже после грандиозной попойки. Дамский угодник, которому не могла отказать ни одна женщина. Справедливости ради, следует заметить, что от невинных девиц Фонтерой старался держаться подальше, а их целеустремленных мамаш и вовсе избегал так ловко, что твой кот. Он предпочитал иметь дело с женщинами другого склада, понимающими правила игры.

Таким образом юный лорд развлекался несколько лет, однако затем, после смерти отца и старшего брата, внезапно остепенился. Перестал отстреливать приятелей на дуэлях, занял положенное ему кресло в парламенте и, кажется, даже собирался жениться. В общем, к нынешнему времени, достигнув почтенного возраста тридцати лет, лорд Кеннет Фонтерой считался вполне уважаемым членом общества.

Тревор поднял руку, и все тут же умолкли.

– Мне дали понять, – веско сказал он, – что здесь, возможно, замешана политика.

Фокс приглушенно выругался, остальные тоже заворчали. Только я сидела тихо, какмышь. Моя лепта на совещаниях состояла в том, чтобы помалкивать и снимать нагар со свечей. Но я не хуже других понимала, что политические дела – самая головная боль для сыщика. Это как болото, где под безобидной с виду травкой скрывается гниль и грязь.

– Там, – шеф многозначительно возвел глаза к небу, – обстановка сейчас не из лучших. Треклятые лягушатники после Второй Столетней войны совсем обнаглели. Недавно в Эшентаун приехал сацилийский посол, чтобы провести переговоры. И я предполагаю, что внезапное появление дракона на заседании парламента отнюдь не улучшило бы ситуацию. Скорее привело бы к политическому кризису.

– Еще бы! – хохотнул Фокс, вероятно, представив себе перекошенные лица парламентариев.

Признаться, я в политике разбиралась слабо. Из подслушанных разговоров можно было сделать вывод, что наше правительство в отношениях с ближайшими соседями придерживалось позиции виртуозного лавирования, поддерживая то одного, то другого конкурента, в зависимости от своей выгоды. В последнее время, когда Сацилия, отделенная от нас лишь узким проливом, набирала мощь на континенте, эта тактика перестала себя оправдывать. Мы теряли союзников одного за другим. Три года назад мы преподали сацилийцам серьезный урок у мыса Тарфаль, фактически размазав их флот по Джебельтарскому проливу. Теперь они готовились взять реванш.

– Это похоже на правду, – согласился Хаммонд. – Как сказал наш клиент, амулет представляет ценность только для Фонтероев. Никто другой не смог бы его использовать. Конечно, драконий зуб – вещь дорогая сама по себе, но владельцы антикварных лавок клялись и божились, что никто им такого товара не приносил. И к графу с предложением выкупа никто не обращался. Значит, либо Фонтероя хотят извести политические противники, либо – кто-то другой из личной мести. Но тогда ненависть должна быть действительно впечатляющей. Интересно, кому он мог так насолить? Может, женщина? Отвергнутая любовница, брошенная невеста?

– Да какая же женщина станет ждать десять лет, чтобы отомстить? – недоверчиво спросил Тревор. – А сейчас Фонтерою не до волокитства. Я слышал, что он собирался объявить о помолвке с леди Клариссой Эмберли, но, возможно, теперь это дело придется отложить.

Тут Хаммонд снова нас удивил, высказав неожиданную мысль:

– Послушайте, но ведь в любом проклятье всегда оговаривается условие, как от него избавиться. В этом и заключается принцип проклятья. Разве я не прав?

– О да, – невесело усмехнулся Тревор. – Все как в легендах: проклятье будет снято, если найдется невинная девушка, которая полюбит злосчастливого графа, несмотря на его дурной нрав и привычку плевать огнем, в буквальном смысле.

– Тогда, может, ему наоборот стоит ускорить помолвку?

– Леди Эмберли ничем ему не поможет. Она, понимаете ли, вдова. И вряд ли лорд Фонтерой согласится заменить невесту на одну из дебютанток этого сезона. Он все-таки не изверг.

«Да уж, – подумала я, – нам в особняке на Гросвен-стрит только обморочных девиц сейчас не хватает! И так проблем выше крыши!»

Фокс, некоторое время хитро посматривавший на меня, вдруг засмеялся:

– Слушайте, а если Энни?... Это ведь из-за нее уплыл амулет, вот пусть и отдувается! Слышь, Коза, не хочешь стать графской возлюбленной?

– Давайте-ка без шуток, – поморщился Тревор, а мне почему-то кровь бросилась в лицо.

– Нет! – припечатала я. Вышло неожиданно звонко. – И вообще, знали бы вы, что мне приходится терпеть в его доме!

Ребята притихли, Нед удивленно поднял брови, а мистер Тревор насторожился:

– В каком смысле? Неужели лорд Фонтерой позволял себе... вольности?

– Что? – вспыхнула я. – Нет, чума его побери, наоборот! Наш клиент, оказывается, респектабелен, как священник. Чертыхаться при нем нельзя, штаны носить нельзя, даже упоминать о них – и то неприлично!

– Ах, вот оно что, – успокоился шеф, отмахнувшись от меня, как от мошки. – Ничего, тебе будет полезно немного улучшить свои манеры.

Остальные при этом посмеивались, так что мне оставалось лишь мысленно кипеть от злости.

– Пока что наша единственная зацепка – те таинственные ночные гости, которые приезжали к мистеру Мэллори незадолго до ограбления, – сказал Нед, несомненно, желая вернуть беседу в более конструктивное русло.

– Карета у них была непростая, – поддержал его посерьезневший Фокс. – Не наемный кэб. Это был здоровенный фаэтон с высоким сиденьем и огромными задними колесами. Такой экипаж не каждый день увидишь. И тот человек, который беседовал с дворецким, определенно был иностранцем. Говорил он по-нашему, но звучало чудно.

– Можно подумать, ты у нас такой полиглот, что иностранца по говору отличишь! – усмехнулась я, все еще расстроенная насмешками шефа. Кроме того, я терпеть не могла, когда Фокс начинал умничать.

– Не, «полиглот» у нас – это Винс. – Фокс с нарочитым ужасом покосился на Винса, который приканчивал уже третий кусок пирога и тянулся за четвертым. – А я просто опытный. Если долго отираться в порту, то поневоле нахватаешься разных акцентов: ведь мисниец говорит не так, как сацилиец, а норвейцев и вовсе отличить не проблема, те говорят, словно кашу жуют.

– Что ж, попробуем отыскать эту карету, – подытожил Тревор. – Хаммонд, вы с Винсом завтра прогуляетесь по улице Святого Дживса и сходите в Серпен-парк, где любят раскатывать всякие модники. А Нед с Фоксом подежурят возле банка и в деловых кварталах.

Я, конечно, заметила, что меня Тревор обошел своим вниманием. Все из-за моего промаха, прах его побери! Да и то злосчастное письмо, которое, по мнению дворецкого Мэллори, было адресовано мне, тоже послужило поводом для недоверия. Я уже почти открыла рот, чтобы возразить или объяснить, как вдруг мою ушибленную голову посетила светлая мысль.

По всему выходило, что недоброжелатель Фонтероя – человек из общества, и пари держу, что сам он не полез бы в чужую спальню. Значит, нашел исполнителя. В Доках или в Кречи, бедняцком районе в юго-восточной части города, это несложно. Там всегда можно сыскать ловкача, который за достойную плату притащит вам хоть дьявола из преисподней. А уж если такого человека смог найти лордик из приличного общества, то угадайте, за какое время найду его я, прожившая в Кречи шестнадцать лет?

Пока другие ищейки обговаривали детали, я сидела очень тихо, стараясь ничем не выдать своего вспыхнувшего энтузиазма. Интересно, что они запоют, когда на следующем совещании я выложу им имя заказчика? Пусть Нед с ребятами ищут свою карету. А мне пора освежить в памяти несколько старых знакомств.

Глава 5

На следующее утро, после завтрака мне не составило труда сослаться на больную голову и вернуться в нашу с Агатой чердачную каморку. Выждав, когда Нед скроется с горизонта и освободит путь, я рывком соскочила с постели. За окном, увы, моросило. Снег, выпавший три дня назад, давно превратился в грязную коричневую кашу.

С платьем для прогулки сразу возникли затруднения. Не могла же я появиться в родном притоне в образе благообразной сиротки! Мало того, что мои старые приятели надорвут животы от смеха – это еще полбеды! Хуже будет, если я в таком виде попадусь какому-нибудь пьяному матросу. Тогда точно проблем не оберешься.

Насколько я помню, в узком платяном шкафу, стоящем в углу комнаты, мне попадалась какая-то старая рухлядь. Воспользовавшись отсутствием Агаты, я прокралась к шкафу и по локоть запустила руки в его темное нутро, пахнувшее лавандой. Мне повезло. Под стопкой накрахмаленных нижних юбок действительно обнаружился сверток с мужским платьем: узкие панталоны и сюртук. Все лучше, чем ничего!

Я как раз приложила к себе панталоны, когда дверь внезапно распахнулась, и на пороге появилась Агата. Увидев меня, она замерла. На ее щеках вспыхнули алые пятна, а в глазах на миг блеснула настоящая ярость.

– Это вещи моего покойного брата, – произнесла она сдавленным голосом. – Отдай! Да как ты посмела!

– Я... я ни за что не взяла бы их без спроса! – пролепетала я и даже заикаться начала от испуга. Вот уж не ожидала, что милая, веселая Агата умеет превращаться в такую фурию! – Я как раз хотела попросить у тебя, нельзя ли одолжить эти вещички всего на час...

– Зачем? – грозно спросила девушка.

Волнуясь и путаясь, я принялась рассказывать о своей недавней оплошности и о горячем желании найти похитителя. Слово за слово, пришлось рассказать и о письме. Агату оно заинтересовало. Достав из-под подушки тощую картонную папку, я вытащила конверт.

– Ты умеешь читать? – спросила я с интересом, глядя, как долго она вертит письмо в руках.

– Не слишком, но достаточно, чтобы понять, что ты не врешь.

– Пожалуйста-пожалуйста, – я умоляюще сложила руки, изобразив на лице крайнее раскаяние, – мне очень жаль, что из-за меня лорд Фонтерой оказался в такой опасности! Я хочу все исправить. Быстро сбегаю кое-куда, разузнаю все и вернусь. Никто даже не заметит!

– Ну ладно, – улыбнувшись, сказала Агата. – Ради такого дела я разрешаю.

– Спасибо! – от души поблагодарила я. – Только, чур, Неду ни слова!

Пока она не передумала, я быстро скинула платье и натянула сюртук. Потом кое-как зачихала волосы под изношенную кепку, кубарем скатилась с лестницы и... угодила прямо в объятия Фонтероя.

– Далеко собрались, мисс Фишер? – спросил он с какой-то вкрадчивой интонацией.

– Только на минуточку, – выдавила я, проклиная себя за лишнюю спешку. – Хочу... э-э... навестить кое-кого в городе.

– Судя по вашему изысканному туалету, этот «кто-то» проживает в закопченных трущобах за Товерским мостом? Или возле причалов?

Я попыталась бочком проскользнуть к двери, но меня остановила железная рука. Дверь в глубине холла теперь казалась недосягаемой.

– Признайтесь, мисс Фишер, – шекотно прошептал граф мне в ухо, – что именно вы в ту ночь украли амулет, а теперь хотите встретиться с сообщником!

– Нет у меня амулета, хоть обыщите! – гневно вскинулась я.

Фонтерой смотрел словно сквозь меня, и опасный блеск в его глазах разгорался все ярче. От подступившей паники по спине пробежали мурашки. Что если он действительно вздумает меня обыскать?

– В этом нет необходимости, – ответил он наконец. – Я пойду с вами.

– Да ни за что!

Пять минут спустя я смиренно сидела в кресле, пила чай, принесенный Агатой, грызла орехи и терпеливо ждала, пока камердинер подберет графу костюм, подходящий для визита в трущобы. Невозмутимость мистера Батлера была поистине бесподобна. Он отбирал вещи столь же тщательно, как если бы готовил своего хозяина к посещению званого ужина.

Я восхищалась камердинером и одновременно удивлялась своей покладистости. Понятия не имею, как Фонтерою удалось меня переубедить. Это все драконий гипноз.

Вскоре граф предстал в новом виде. Я постаралась скрыть скептическую усмешку. Даже в засаленном сюртуке, с растрепанными волосами и в бриджах, заляпанных опилками (молодчага Батлер не упустил ни одной детали), Фонтерой все равно выглядел как самый расфранченный ферт. Осанка, жесты, взгляд – его выдавало буквально все. Эх, придется мне постоянно быть начеку, не то нас обоих пустят поплавать по Тессе без лодки!

Накинув на плечи старое коричневое пальто омерзительного вида, Фонтерой неодобрительно покосился на мой тощий сюртучок.

– В этом вы простудитесь насмерть. Батлер!

– Ой, да бросьте! Не сахарная, не растаю! – проворчала я, досадуя не столько на очередную задержку, сколько на то, что мой продуманный план летел ко всем чертям.

На мое счастье, волшебник Батлер извлек откуда-то толстый матросский свитер, пропахший дешевым табаком. Зато это одеяние был теплым и, подозреваю, в критической ситуации могло заменить легкую кольчугу. Таким образом, сборы были окончены, и мы с графом в виде двух оборванцев покинули элегантный особняк, окунувшись в слепой туман эшентаунских улиц.

Чтобы добраться до Товерского моста, мы наняли кэб. Дальше придется идти пешком. В грязные кварталы Кречи не сунулся бы ни один кэбмен, а многие улочки были слишком узкими, чтобы на них уместился экипаж. Фонарей и светильников там тоже никогда не водилось. Эти темные улицы больше походили на норы, прорытые в куче мусора безумным пьяным кротом. Они были словно нарочно созданы для того, чтобы проще было обстрипывать разные грязные делишки и уходить от погони. "Ищейки" Тревора навещали Кречи только в исключительных случаях, предоставляя местным жителям возможность самостоятельно справляться с мелкими кражами и разбоем. Драки множилось там, как плесень. Поножовщина была обычным делом. В общем, то еще местечко.

Кэб, покачиваясь, гулко отстукивал ритм по просторной набережной Тессы. Над рекой висел густой мокрый туман, в сером мареве которого тонули дома и деревья. Эшентаунский туман был поистине всемогущ. В северо-западной части города он заботливо укутывал богатые белокаменные особняки, придавая таинственность небольшим уютным площадям; в порту он клубился между мачтами и развешивал дождевые простыни. Туман окрашивал улицы в разные оттенки серого и коричневого. Даже свежеснеговому снегу в Эшентауне удавалось сохранить свой белый цвет не больше часа, а то меньше, если работали кирпичные заводы.

На мосту туманные клочья слегка разгонял ветер. Река, величественно темневшая внизу, сегодня походила на призрачную преисподнюю. Ее широкая лента неумолимо отделяла благопристойные районы и деловые улицы от бедных кварталов, не слишком благоприятных для вашего здоровья. Невдалеке на Собачьем острове виднелись мрачные приземистые здания складов. Пахло сыростью и чем-то гнилым.

– Чувствую себя как в лодке у Харона, – пошутил Фонтерой, облокотившись на перила.

Я понятия не имела, кто такой Харон, но, судя по тону моего спутника, знакомство с ним не предвещало ничего хорошего.

– А я как в гондоле воздушного шара, висящего среди туч. Мне всегда было интересно, каково это – поплавать наперегонки с облаками!

Один раз мне довелось видеть запуск воздушного шара, и это зрелище останется в моей памяти навечно. Огромный цветной купол занимал полнеба, висевшая под ним гондола с суетящимися человечками казалась совсем крошечной. Вот где настоящее волшебство! Куда уж там мистери Амброзиусу!

Фонтерой взглянул на меня с искоркой интереса:

– Если хотите, я могу устроить для вас такую прогулку.

Это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой, поэтому я пропустила его обещание мимо ушей. Нет ничего опаснее, чем позволять пустым мечтам сбить тебя с толку. Для начала было бы неплохо сегодня вернуться целыми и невредимыми. Я сочла нужным предупредить своего спутника:

– Мне нужно навестить в Кречи одного человека. Он наверняка знает, не получал ли кто-то из местных заказ на кражу необычного амулета. Только, пожалуйста, будьте осторожны! Это вам не прогулка по Бонд-стрит!

– Не беспокойтесь, – усмехнулся граф. – Держитесь ближе ко мне, и все будет в порядке.

Что? Вообще-то это я должна была сказать! Я присмотрелась к Фонтерю, насколько позволял туман. Поразительно, но стоило ему пересечь мост, как он неуловимо изменился – словно острый кинжал вынули из бархатных ножен. Изящный холеный аристократ остался в особняке. Рядом со мной шел совсем другой человек, от которого ощутимо веяло опасностью. В мою бытность Стрекозой я обходила таких типов по широкой дуге.

Сразу от моста начинался Кривой переулок. Это была узкая и порядком загаженная улица с неровной булыжной мостовой. Редкие прохожие старались незаметно прошмыгнуть мимо опасного места. Тень тюрьмы угрожающе нависала над этим районом. У нас говорили так: «от Кречи до Табрена недалече». И, действительно, карьера многих здешних обитателей закончилась на табренской виселице. Я была редким исключением.

Везение не раз меня выручало. В шесть лет я самовольно покинула приют, где из воспитанников умирал каждый пятый, счастливо избежала холеры и прочих напастей, например, торговцев детьми. Потом меня подобрал Ушлый Гарри и обучил всяким штукам. Наконец, моей последней удачей было, когда мистер Тревор, поймав меня на горячем, почему-то не отправил в рабочий дом, а оставил при себе. Не сразу, конечно. Мне пришлось приложить для этого массу усилий.

Именно Ушлого Гарри – вернее, мистера Гарри Бобарта – я и собиралась навестить. Он жил недалеко от продуктового рынка. Его дом знали все. Деловые люди со всего квартала тащили ему всякую рухлядь, нажитую несправедливым трудом, и всегда могли рассчитывать на справедливую цену. У мистера Бобарта все шло в дело. Украшения переплавлялись и сбывались знакомым ювелирам, с одежды спарывались метки и отчищались подозрительные пятна, а затем преобразованные вещи тихо покидали обитель Бобарта через черный ход. Я хорошо помнила запасную дверь в кухне. Низенькая, вся залепленная грязью и запертая на висячий замок, она выглядела так, будто ее сроду не открывали. Однако на самом деле петли были всегда тщательно смазаны, а с заднего двора ловкий человек мог двумя узкими переулками выйти прямо к реке и в пять минут добраться до причалов.

В общем, дом Ушлого Гарри был своего рода шлюзом для вещей, обретавших здесь вторую жизнь, а иногда и для людей, которым требовалось срочно скрыться. Эти господа не скупались на ответные услуги, причем платили Гарри не только деньгами. Информация – тоже товар, если знать, кому и когда ее предложить.

За два дома от жилища Бобарта находился трактир «Синий якорь», привносивший в затхлую атмосферу нашего квартала нотку разухабистого веселья. Я с ностальгией узнала знакомую вывеску. Час был еще ранний, так что пока здесь царило затишье. Перед входом на старых ящиках и свернутых канатах расположилась стайка парней и девчонок. На пузатой бочке перед ними стояло несколько кружек. Как обычно, ребята убивали время в ожидании темноты и начала той самой работы.

– Лопни мои глаза, это ж Стрекоза Энни! – вдруг послышался вопль.

Я вздрогнула. В разбитной девице, вскочившей на ноги, мне почудилось что-то знакомое. Неужели это Плакса Глэдис? Но как она переменялась! Я помнила ее совсем другой. Когда-то Глэдис была моей близкой подругой. Пепельные локоны, наивные голубые глаза – ни дать ни взять ангелочек, стукнутый по голове чем-то тяжелым. Сейчас наивности в ее выражении лица поубавилось, начесанные волосы сбились в колтун, и, когда она подошла ближе, меня чуть не сбilo с ног густым ароматом дешевых духов. Черт, таким запахом можно валить деревья!

И все равно я была рада видеть ее живой. Я обняла подругу со смешанным чувством радости и неловкости.

– Смотрю, ты процветаешь! – улыбнулась Глэдис щербатым ртом. – А то про тебя разные слухи ходили! Болтали, что ты сиганула с Ясеневого моста или что тебя сцапали «серые»...

– Энни не так-то легко убить, – вклинился Фонтерой.

– Можешь ему поверить, он уже пробовал, – хмуро подтвердила я. Мне не понравилось, что Глэдис принялась строить глазки моему спутнику. Знала бы она, с кем имеет дело!

– Меня звать Крафт. Кеннет Крафт, – представился граф, немало меня удивив. Однако следующие его действия удивили меня еще больше: улыбнувшись, он приобнял Глэдис за плечи и что-то шепнул ей на ухо. В воздухе мелькнула блестящая монета – и тут же исчезла у Глэдис за корсажем. Не требовалось большого ума, чтобы сообразить, о чем они договаривались. Среди парней, толпившихся возле трактира, раздалась понимающие смешки.

Почему-то я ощутила, что мне не хватает воздуха. И это называется джентльмен! Джентльмен, который собирается жениться на леди! Правду мне говорила Рут: все они одинаковы!

Чуть не ослепнув от ярости, я дернула Фонтероя за руку:

– Нам пора.

Правда, возникла одна проблема. Местные трактирные забияки не собирались нас легко отпускать. Четверо парней словно нечаянно встали так, что загородили почти весь проход, причем вид у них был довольно грозный. Фонтерой снова обезоруживающе улыбнулся:

– Почему бы нам всем не выпить портера за счастливое возвращение Энни? Я угощаю, – сказал он, припечатав к доньшку бочки новенький шиллинг.

Это их отвлекло. Блестящая монета упала перед ними, как шмат мяса посреди псарни. Пока они переглядывались, я поспешила увлечь Фонтероя в слякотную темноту переулка.

– Ты такая забавная, когда сердиться, – шепнул Кеннет спустя некоторое время, когда трактир остался позади, и нас окружало только уличное зловоние.

На моем языке вертелась сотня колючек, которые мне не терпелось вонзить в его драконью шкуру, но мы уже очутились перед знакомым крыльцом, так что времени на ссоры не оставалось. Я ограничилась тем, что бросила на попутчика испепеляющий (как я надеялась) взгляд. Затем постучала в дверь условленным образом.

Чей-то глаз внимательно осмотрел нас сквозь крошечное отверстие. Послышался скрежет отпираемого замка, и на пороге возник мистер Бобарт собственной персоной.

– Энни, милая! Какими судьбами?

Он широким жестом пригласил нас войти, не забыв, однако, тщательно запереть дверь. Я чуть ли не со слезами оглядела знакомую до последней мелочи кухню. За два года здесь ничего не изменилось. Так же уютно светились угли в очаге. В углу торчала старая плита, которая

при необходимости легко превращалась в горн для переплавки золотишка. На стенах висели пожелтевшие вырезки из журналов, а в клетке попискивал Сверчок – любимая канарейка Рут.

Голос Бобарта звучал уже из глубины комнаты:

– Рут! Рут! Ты глянь, кто к нам пожаловал!

Послышались торопливые шаги, и в комнату, откинув занавеску, вошла моя приемная мать. Признаться, после встречи с Глэдис я ждала ее появления с некоторым трепетом, но миссис Бобарт оказалась точно такой, как я ее помнила: веселой, крепкой и неунывающей. Ее темные волосы задорно кудрявились, выбиваясь из-под чепца, а руки были все так же красны от бесконечных стирок.

– Боже мой, Энни! Жива и здорова! Чудо господне!

Она засмеялась и обняла меня, в то же время оглядывая проворными карими глазами, словно прикидывая, какую выгоду из меня можно извлечь. Рут Бобарт привыкла извлекать пользу из всего, что попадало к ним в дом через парадную дверь. Я не сомневаюсь, что они с Гарри оба меня любили – по-своему, как умели. Просто в Кречи все человеческие чувства искажались, словно в кривом зеркале, превращаясь в свои уродливые подобию.

Я коротко познакомила их с Кеннетом, который снова представился Крафтом, и мы уселись пить чай перед камином, болтая о пустяках. Мистер Бобарт поначалу косился на Кеннета с подозрением и осторожничал, словно старый лосось. К счастью, люди не зря придумали множество безопасных тем для разговора. Мы последовательно обсудили необычайно теплую зиму, планируемый снос трущоб за Старой Часовней, работу благотворительных обществ и рост цен на сахар. Лишь после этого я отважилась спросить о том, что нас действительно интересовало.

– Не заходил ли к вам кто-нибудь из Галереи Искусств? Я бы охотно повидалась с Хамфри или Чарли Обрубком, если он еще жив.

Ушлый Гарри снова бросил неуверенный взгляд на Кеннета.

– Крафта можешь не опасаться, он свой, – сказала я уверенным голосом. – Ходят слухи, что в Галерее запахло серьезными деньгами, если ты понимаешь, о чем я. Ради такого я бы, пожалуй, даже вернулась.

Рут в это время собирала на поднос посуду. Позвякивание чашек выдавало ее нервозность.

– Может, Фил из "Шипучего кота" что-то знает, – сдался наконец мистер Бобарт. – Ко мне никто из них не приходил. Я вообще давно никого не видел из Галереи.

Знакомая присказка: "ничего не видел, ничего не знаю, меня там вообще не было". Прямо ностальгией повеяло. Вместе с тем я понимала: даже если Ушлый Гарри что-то слышал, больше мы из него ничего не вытянем.

– Не ходи к Филу сегодня! – взволнованно сказала Рут. – Темнеет уже, а район там опасный.

"Не опаснее, чем здесь", – подумала я. Хромой Фил держал трактир за две улицы отсюда, недалеко от скотобоев. Коты у него действительно не переводились, так как со скотобойни постоянно набегали крысы. Мистер Бобарт не раз предлагал ему завести терьера, но Фил оставался верен мурчащему полосатому племени.

– Не волнуйтесь за Энни, – широко улыбнулся Кеннет. – Она же со мной.

Я бросила на него предупреждающий взгляд. Ох, чувствую, его позерство еще выйдет нам боком!

Вопреки опасениям, до трактира мы добрались без приключений. В переулках сгустилась темнота, в одном месте торчал одинокий фонарь. Другой такой же фонарь освещал вход в трактир, играя роль путеводной звезды для пьяниц. Это заведение было почище, чем "Синий якорь", но без модных наворотов в виде начищенных медных деталей и висящих над стойкой окороков. В стены прочно въелся запах жареной рыбы. Полутемная коричневая зала была раз-

горожена на отделения, напоминавшие конюшенные стойла. В недрах трактира громоздились тяжелые бочки с выжженными клеймами. На краю стойки дремал полосатый котяра, изредка оглядывая подшефное помещение одним желтым глазом. Прищур у него был не хуже драконьего. Проходя мимо, я погладила кота, и тот в ответ заурчал, как гравийная дробилка.

Посетителей было мало. Из-за одной перегородки доносилась болтовня рыбаков да за дальним столиком дремала какая-то куча тряпья. Возле стойки царила безмятежная пустота. Фил, как обычно, занимался тем, что полировал грязный стакан таким же замаранным лоскутом.

– Давненько тебя не видел, – осклабился он мне.

– Пива и рюмку миндального ликера для леди, – провозгласил Кеннет, бросив на стойку несколько пенсов. Фил хмыкнул, кот приоткрыл один глаз, а я наступила Фонтерой на ногу, тем самым намекнув, чтобы он не выходил из образа. Миндальный ликер, о господи! Вряд ли когда-нибудь дорогой ликер переступал порог этой харчевни, не говоря уже о "леди"!

Все-таки Фил отыскал два стакана почище и разлил по ним жидкость, о происхождении которой лучше было не задумываться.

– Интересные люди забредают иногда в наш тихий уголок, – подмигнул он.

– Я как раз ищу кое-кого, – доверительно шепнула я, пользуясь тем, что Фила пока не одолевали посетители. – Человека с необычными запросами. У нас есть к нему... предложение.

Трактирщик повел плечом, настороженно зыркнув по сторонам.

– У меня многие перебивали, всех не упомнишь...

К горке мелочи на стойке словно по волшебству добавились два серебряных кружочка. На лбу Фила выступил пот.

– Ладно, был один тип, – признался он. – Давно, еще осенью. Месяца три назад. Настоящий джент, сразу видно, солидный, рыжебородый. Он искал ловкого парня, который не забоялся бы поработать в чистых кварталах за рекой. Я сразу подумал о тебе, Стрекоза, – тут Кеннет за моей спиной издал короткий смешок, – но ты же вроде отошла от дел?

– Похоже, в этом деле я погрязла по самые уши, – пробурчала я. – Слушай, если этот рыжий «джент» вернется, будь добр, шепни словечко Ушлomu Гарри.

Фил серьезно кивнул:

– Не беспокойся. Только будь осторожна. Сама понимаешь, парни вроде него не любят, когда о них принимаются расспрашивать.

Между тем трактир продолжал жить своей беспечной жизнью. Я заметила, что ветхая куча тряпья, сидевшая в дальнем углу, куда-то исчезла.

Туман на улице сгустился так, что идти приходилось наощупь. Тонувшие в грязи бульжники скользили под ногами. Мне не терпелось выбраться обратно к мосту. Постепенно крепло нехорошее предчувствие, и в каждой подворотне мне мерещилось чье-то скользкое присутствие. Видно, правда, ничего не было, но жизнь чувствовалась. Каждый шорох наводил на зловещие мысли.

– Три месяца назад! – негромко заметил Фонтерой, вспоминая слова трактирщика. – Как раз в это время меня в первый раз попытались ограбить на улице!

– Дай бог не в последний, – пошутила я. – Мы тут припозднились. Даже «ищейки» не заглядывают сюда после темноты!

Очертания домов растворились в удушливых плотных сумерках. Откуда-то из речной дали донеслась унылая песня лодочника. Мы ускорили шаг. Оступившись в очередной раз, Кеннет приглушенно выругался и остановился:

– Подождите! Я зажгу огонь.

– Лучше не надо, – поспешила возразить я, но было поздно. Темнота вокруг нас сгустилась и обрела очертания. Из удушливого мрака выступил еще один мой старый знакомец –

Дэннис Хантер. За его спиной маячили двое. И, судя по шорохам, еще трое подбирались к нам с тыла.

Когда-то давно я полагала, что влюблена в Дэнни. Теперь, оглядываясь назад, я понимала, что была тогда не в своем уме. Дэннис обладал броской внешностью и в карман за словом не лез, этого у него не отнимешь. Его проблема заключалась в том, что он был похож на тлеющую головню, готовую вспыхнуть от лишней кружки эля. Сейчас, судя по нездоровому блеску глаз, он находился в одном из худших своих состояний.

– Отойди в сторону, Стрекоза, пока мы потолкуем с твоим кавалером, – осклабилась бывшая любовь моей жизни. – Поговорим как мужчина с женщиной.

Его ухмылка мне совсем не понравилась.

– Я тоже рада тебя видеть. Не валяй дурака и дай нам пройти, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Иногда это срабатывало. Бывало, что Дэннис насмешливо пожимал плечами и демонстративно уступал, якобы не желая ссориться с дурной девчонкой. «Но не сейчас и не в присутствии его дружков», – поняла я со страхом.

В следующую секунду в переулке вдруг стало еще темнее, словно на город внезапно упала ночь. Один из парней придушенно вскрикнул, у другого чуть глаза не вылезли из орбит. Даже на физиономии Дэнниса, искаженной от пьяного гнева, мелькнул проблеск здравого смысла. Сзади послышался шорох осыпающихся камешков и drobный топот, как если бы кто-то улепетывал со всех ног. Я отступила назад и неожиданно уперлась спиной в упругую колючую стену.

Мне не хватило храбрости, чтобы обернуться. Стена колыхнулась. И вдруг – столб огня по глазам, как солнце, ничего не видно, больно. Лицо и руки опалило жаром. Я зажмурилась, а когда снова открыла глаза, переулок был пуст. Каменная кладка медленно остывала, отсвечивая багровым. Тихо догорали обломки какого-то хлама, сваленного внизу. В одном месте кирпичи спеклись в глянцевую массу, от которой исходил сильный жар.

Я обернулась. Фонтерой стоял как ни в чем не бывало, скрестив руки на груди, только его глаза светились опасным золотистым огнем.

– Они смылись, – пожал он плечами с этакой ленивой небрежностью. – Однако нам лучше поспешить, пока эти бездельники не развели панику по всей округе.

Я шумно перевела дыхание.

– Да-да, ты прав.

С трудом подавив липкую тошноту, я заковыляла прочь из переулка, едва передвигая онемевшие ноги. Фонтерой вежливо предложил мне руку – пришлось сделать вид, что я ее не заметила. Ни за какие коврижки я не решилась бы сейчас к нему прикоснуться! Всю дорогу, сидя в кэбе, я старательно избегала его взгляда, а вернувшись в особняк, сразу зайцем метнулась наверх. Испуг перед пьяной компанией, подкараулившей нас в переулке, ни в какое сравнение не шел со страхом, который теперь внушал мне граф Хатфорд.

Глава 6

Не помню, как я добралась до своей комнатки на чердаке. Пережитый ужас вылился в истерику, и я рыдала до икоты, вцепившись обеими руками в подушку. Перепуганная Агата натерла мне виски «венгерской водой», напоила травяным отваром и полночи просидела рядом, держа меня за руку.

Только под утро мне удалось забыться беспокойным сном, но облегчения это не принесло, так как во сне опять привиделся тот замок с белым вепрем на стене. Наверное, он решил взять меня измором. Я снова пыталась спастись от дракона, рыскающего в сумрачном холле, и меня снова подстерегала на галерее таинственная ледяная чернота. Не понимаю, чего они ко мне прицепились? Но хуже всего было то, что о наших похождениях с Фонтероем услышал Нед. На следующий вечер мистер Тревор созвал внеочередное собрание «ищеек», на котором меня заставили подробно рассказать о случившемся.

Ребята выслушали меня в мрачном молчании. Когда я дошла до описания огненной вспышки в переулке, Фокс даже присвистнул, а Хаммонд из своего угла сокрушенно покачал головой. Между бровей Тревора залегла такая складка, что туда можно было двухпенсовик сунуть, и он бы не выпал.

Я оправдывалась как могла:

– Все сошло бы нормально, если бы нам не попался этот чертов Дэннис! Наверное, он был пьян.

– Даже если он был трезв, как стекло, готов поспорить, что сейчас его не оторвать от бутылки, – мрачно пошутил Нед. – После такого-то потрясения! И о чем ты только думала? Разве ты забыла, что рассказывал Амброзиус?! Если бы Фонтерой убил кого-то из этих прохвостов, он остался бы драконом навсегда!

Можно подумать, я силком затащила нашего графа в самые глухие трущобы. Он ведь сам захотел! Теперь я еще виновата в том, что дракон думает животом, а не головой!

Тревор перегнулся через стол, пригвоздив меня к спинке стула жестким взглядом:

– Надеюсь, ты понимаешь, что мне следовало бы вышвырнуть тебя отсюда, чтобы ноги твоей не было на Коул-стрит. С твоим легкомыслием и куриным пониманием сущности ищейской работы! Знаешь, почему я этого не сделаю? Потому что у меня есть одно поручение, с которым можешь справиться только ты. Но если провалишь и это дело...

Старик ледяным взглядом молча дал мне понять, какая кара ждет меня в случае неудачи.

– И как ты могла подумать, что мы упустим из виду возможных сообщников нашего светского воришки? – вклинился Фокс. – Да мы проверили рабочие кварталы еще в тот день, когда ты лечила свой насморк в особняке на Гросвен-стрит! И выяснили, что рыжебородый тип, про которого упоминал Фонтерой, в последнее время в Кречи больше не появлялся.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Это что получается, все мои вчерашние старания и весь ужас, который мне пришлось пережить, – все было зря?

– Задание тебе будет такое, – сказал мистер Тревор, одним движением бровей отметя Фокса в сторону. – Нам удалось найти экипаж, очень похожий на тот, что торчал возле дома графа в ночь кражи. Он принадлежит сацилийскому послу. Послезавтра господин посол дает прием, и ты на нем появишься.

– Кто? Я?! – вырвался у меня сдавленный всхлип.

– Ну не я же. Послушаешь, кто с кем сплетничает и о чем. Проследишь, кто улыбается Фонтерой, и, что еще интереснее, с каким выражением смотрит ему в спину. Граф Хатфорд, разумеется, тоже почтит прием своим присутствием...

"Час от часу не легче!" – подумала я с возрастающей паникой. Почему-то вероятность опозориться в глазах Фонтероя пугала меня гораздо сильнее, чем насмешки его высокородных друзей.

Тревор же невозмутимо продолжал:

– ... Но он человек заметный, ему за другими приглядывать несподручно. Ты же – другое дело. По легенде ты – Энни Фишер, его нищая кузина, которую граф Хатфорд взял под опеку и временно приютил у себя. Изобразишь бессловесную застенчивую дурочку, впервые попавшую в блестящее столичное общество. Полагаю, на это у тебя ума хватит. Ну же, Энни, что за испуганный вид? Я ведь знаю, что твой бывший приемный родитель научил тебя, как отличить лопаточку для рыбы от десертной ложки. Больших умений от тебя не потребуется.

Ушлый Гарри обучал меня, чтобы потом использовать как наживку для джентльменов, искавших необременительных интрижек. Я же не дура, понимаю, для чего были эти уроки этикета и танцев. Меня готовили к роли легкомысленной мешаночки, достаточно вышколенной, чтобы джентльмен не постыдился прогуляться с ней в Серпент-парке, и достаточно незначительной, чтобы он мог позволить себе кое-какие игривые мыслишки, не боясь серьезных последствий. Вдруг я вспомнила ожесточившееся лицо Плаксы Глэдис, ее застывший циничный прищур, и содрогнулась. Улицы Эшентауна были безжалостны к молоденьким девушкам. Какая участь ожидала бы меня, если бы не вмешательство мистера Тревора? Его поручение по сравнению с грязными намерениями Гарри Богарта было такой мелочью...

– Хорошо, я согласна. А лорд Фонтерой знает об этом сногшибательном плане? – поинтересовалась я не без ехидства. Как-тоотреагирует лорд Дракон, когда узнает, что ему навязали такую замечательную "родственницу"?

Улыбка Тревора не предвещала ничего хорошего:

– Более того. Он сам его предложил.

Всю обратную дорогу до Гросвен-стрит Уолтер пытался убедить меня, что изобразить леди разок-другой – плевое дело. Почему-то он был свято уверен в моих актерских талантах. Меня же слегка потряхивало, даже есть захотелось от страха. Жаль, не успела у Тревора урвать кусок пирога, пока Винс до них не добрался. Теперь-то придется изучить более изысканное меню: всякие там анчоусы (знать бы еще, что это такое), кремы и желе, – чтобы не попасть впро-сак на великосветском приеме. Ужин у посла, боже мой! Там ведь будут все сливки общества! Самые высокородные леди и джентльмены, образованные, блистающие изысканными манерами и остроумием... И тут из кустов появляюсь я, что называется, «из грязи в князи». Да меня же вмиг раскусят! Опозорюсь сама, опозорю лорда Фонтероя, подведу мистера Тревора... После этого мне останется только утопиться в Тессе. Может, я еще смогу отговорить графа от этой безумной затеи?

Однако стоило нам с Недом войти в холл, как я сразу поняла, что паниковать уже поздно. Лорд Фонтерой в наше отсутствие развил бурную деятельность:

– Я распорядился перенести ваши вещи в свободную спальню на втором этаже. Моя кухня, даже фальшивая, не может жить на чердаке вместе с горничной. До приема еще целый день, так что Амброзиус успеет дать вам пару уроков, чтобы вы не опозорились. В остальном – помалкивайте и положитесь на меня.

Я вздохнула. Ну конечно, наш лорд Дракон в своем репертуаре.

– Какие-то проблемы? – Фонтерой, куда-то спешивший, задержал на мне долгий взгляд.

– Нет-нет, что вы, сэр, я вам очень признательна.

«Драконий гипноз» действовал безотказно.

Стылая зимняя ночь бродила за окнами, вымораживая их своим дыханием. В гостиной графского особняка на Гросвен-стрит сидели двое мужчин. Кеннет Фонтерой листал книгу,

вольготно откинувшись в кресле и положив ноги на подставку для дров. Нед Уолтер любовался рубиновым блеском вина в бокале. Слуг уже отпустили, так что уютную тишину нарушал только треск поленьев в камине. Амброзиус на ночь глядя куда-то исчез. Через приоткрытую дверь Нед слышал, как тот в холле прощался с хозяином. Вероятно, отвечая на какой-то вопрос, он сказал: «Я думаю, пророчество следует толковать шире. Если в сердце есть любовь, ты останешься человеком, даже находясь в облике дракона...» Хлопнула входная дверь, по ногам потянуло сквозняком – и волшебник растворился в снежной метели.

Сейчас Нед испытывал неловкость, словно нарочно подслушал личную беседу. Чтобы избавиться от этого неприятного чувства, он подлил себе еще вина. Попытался представить, каково это – внезапно превратиться в шипастую тушу размером с дом с тлеющим сгустком огня в желудке. Б-р-р! А человеку, сидящему напротив, совсем недавно пришлось пережить это на собственной шкуре! Мысленно вздрогнув, Уолтер снова потянулся за графином. Его весь вечер мучила одна мысль, и спустя полчаса и пару бокалов он решился наконец облечь ее в звук:

– Я не стал говорить этого при Энни, она и без того напугана, но вы уверены, милорд, что она справится? Нет ли у вас настоящей кухни, которой мы могли бы поручить это дело?

Лорд Фонтерой со вздохом отложил книгу:

– Из всех моих немногочисленных родственниц я не знаю никого, кто в такой ситуации смог бы удержать язык за зубами. Недели не пройдет, как о моей проблеме будет судачить весь город.

– И все же я с трудом представляю себе Козу... то есть Энни в светской гостинной. Это все равно что слона запустить в фарфоровую лавку!

– Позволю себе заметить, Уолтер, вы настолько привыкли к своей напарнице, что не замечаете очевидных вещей. Взгляните на ее маленькие руки, на тонкие черты лица. Даже ее манеры, – тут граф невольно улыбнулся, – иногда поражают изяществом, когда она следит за ними. Как это ни удивительно, но мисс Фишер, безусловно, благородного происхождения. Где вы ее откопа... то есть, откуда она?

Уолтер нахмурился:

– Боюсь, она родилась в одном из тех убогих мест, где благотворительность дает скромное убежище нищете. Проще говоря, Энни выросла в приюте. Она сирота, и до встречи с мистером Тревором ее воспитание было довольно своеобразным.

– Я пытался разузнать о ней у ее старинной подруги, – признался Фонтерой. – Кажется, ее зовут Глэдис или что-то в этом роде. Однако она знает не больше вашего. Это странно. Хоть какие-то слухи должны быть!

– Да, Старик... мистер Тревор в свое время тоже пытался что-то выяснить, но безуспешно.

В глазах Кеннета Фонтероя загорелся опасный огонек:

– Если мистер Тревор проявил такое участие к бедной девушке, неужели ему не пришло в голову отправить ее в школу вместо того, чтобы заставлять гоняться за преступниками?

– Как это не пришло! – возмутился Нед. – Старик подыскал ей отличный пансион. Я сам лично дважды ее туда отвозил! Но она возвращалась! После третьего побега Тревор смирился и решил, что пусть лучше Энни останется при нас, чем опять начнет путаться со всякими проходимцами!

Взяв книгу, Фонтерой снова откинулся в кресле:

– Вы можете больше не беспокоиться об этом. Я сам о ней позабочусь.

По мнению Уолтера, хорошо знакомого с характером своей напарницы, в этом заявлении звучал неумеренный оптимизм. Энни была, мягко говоря, далека от того, чтобы искать в жизни поддержки. Интересно, зачем она понадобилась графу? Неужели Фонтерой настолько мелочен, что жаждет свести с ней счеты за то, что она случайно лишила его амулета? А если нет, тогда

что? Уолтер пригубил вино, пытаясь скрыть беспокойство, но про себя решил посоветоваться с Фоксом. Они вдвоем присмотрят за Козой. Он, Уолтер, не позволит использовать ее в чужих интригах, а потом выбросить, как ненужную тряпку.

Глава 7

На следующее утро, едва разлепив глаза в пышной постели, я долго смотрела на "цветочный" полог над головой, недоумевая, что за диковинный сон мне снится. Когда память прояснилась, я вспомнила, что накануне вечером меня, как мешок с углем, забросили в эту чистенькую девичью спальню.

Убранство этого гнездышка разительно отличалось от других комнат особняка, выдержанных в строгом, холодноватом стиле. Ситцевые чехлы на креслах, обои и бархатные портьеры были украшены цветочным узором. Подушки на кровати были такие мягкие, что я тонула в них, словно в теплом сугробе. От камина тоже струилось тепло. Собственный камин в комнате – неслыханная роскошь! У стены стояли высокий комод и туалетный столик на выгнутых ножках. Над ним висело большое овальное зеркало.

В общем, меня окружала такая красота, что прикоснуться страшно. И поведение свое теперь придется менять под новую роль. Это Коза Энни с Коул-стрит могла болтать все, что ей вздумается, а мисс Фишер, кузина высокородного лорда, должна держаться, как подобает скромной благовоспитанной девушке. Иначе ляпну что-нибудь в самый неудачный момент – и прощай, легенда.

В дверь осторожно постучали. Распахнув ее, я с изумлением увидела на пороге Агату. М-да, вот еще одно свидетельство моего нового положения... Я всего лишь переехала на этаж ниже, а мой социальный статус изменился настолько, что бывшая подруга-горничная должна теперь стучать, прежде чем войти. Я почувствовала себя неловко. Хорошо еще, что это ненадолго!

Ловко пристроив поднос с кофейником на невесомый столик, Агата сказала:

– Милорд распорядился подать завтрак сюда, так как скоро прибудет портниха.

– Зачем? – только и могла спросить я.

– О, мадам, вам понадобится куча всего! – Она принялась загибать пальцы, перечисляя: – Платье для бала, два-три утренних платья, туалеты для прогулок, туфельки, полуботинки, веера...

Стоп-стоп-стоп, зачем так много? Я всего лишь прогуляюсь на бал и, возможно, два раза проеду в карете! На большее мы не договаривались! Но Агата была настроена так серьезно, словно ей действительно поручили подготовить к выходу в свет юную дебютантку, вооружив ее до зубов всякими дамскими штучками.

– И, пожалуйста, не говори со мной как с леди! – взмолилась я. – Мне и так не по себе!

– Но ведь я теперь тоже важная особа, – подмигнула подруга. – В один день меня из горничной произвели в камеристки! Не волнуйтесь, мадам, я прекрасно умею укладывать волосы, сплетничать и выводить пятна от любых напитков, которые вы на себя непременно опрокинете.

От ее шутливового тона мы обе расхохотались, но мне все равно было страшно. Во что я ввязалась?

Портниха пришла точно вовремя. Ее сопровождала помощница, которую я не сразу разглядела за грудой свертков. Мисс Нидли оказалась сухонькой, востроносой особой с весьма решительным нравом и бесцеремонными манерами. Скептически оглядев мое мешанское платье, она проводила меня за ширму и приказала снять с себя «эту серость», а затем, повертев меня в разные стороны жесткими, как вешалки, руками, быстро обмерила лентой с ног до головы. Ее ловкие пальцы так и мелькали.

Я так засмотрелась на работу портнихи, что пропустила появление Фонтероя, вдруг отразившегося в зеркале. Эффект был такой, как если бы он плеснул в меня драконьим огнем.

– Не входите сюда! – метнувшись за ширму, я схватила отрез ткани, пытаюсь завернуться в него до ушей. Щеки предательски покраснели. Да как он может! Я стою тут в одной рубашке и корсете, а он!

– Я не собираюсь покушаться на вашу добродетель, мисс Энни, не бойтесь, – послышался насмешливый голос. Затем Фонтерой как ни в чем не бывало обратился к мисс Нидли:

– Не слушайте, если она начнет бормотать что-то о темно-синем атласе или сереньком шелке! Моя воспитанница должна блистать. Она будет чудесно выглядеть в красном. Или в изумрудно-зеленом.

Последние его слова донеслись уже из коридора.

– В красном! – Вернувшись за ширму, мисс Нидли скептически подняла глаза к потолку. – Джентльмены ничего не понимают в дамских туалетах, даже если оплачивают их. Юной девушке не к лицу яркие цвета. Она должна носить белый, розовый и голубой.

Портниха мне подмигнула, и я неуверенно улыбнулась в ответ. В душе забрезжила слабая надежда, что мы с мисс Нидли отлично поладим.

Примерка и обсуждение туалетов заняли больше двух часов. Два часа! Да за это время при должной сноровке можно вынести половину тряпичной лавки!

Мне пришлось заказать массу разных вещей. Много, очень много всего! Платье для завтраков, для обедов, для прогулок и для танцев, два пеньюара... Если верить мисс Нидли, знатные леди в течение дня только и делали, что переодевались. Она была заметно шокирована тем, что я не знала таких элементарных вещей. Чтобы не вызвать подозрений, мне пришлось во всем с ней соглашаться, но теперь было неудобно, что я ввела Фонтероя в такие расходы. Надеюсь, наша затея его не разорит?

Наверное, следовало его поблагодарить. Если, конечно, удастся его найти. В этом огромном доме было так же легко заблудиться, как в лесу. Я никогда точно не знала, где находятся остальные жильцы, и есть ли кто-нибудь дома вообще.

Граф отыскался в библиотеке. Вместо ответа на мое косноязычное «спасибо» он только рассеянно кивнул и попросил:

– Будьте любезны, Энни, сходите к Амброзиусу. Он хотел что-то вам рассказать.

– Хорошо, – ответила я. Но Фонтерой, уткнувшись в книгу, уже потерял ко мне интерес.

Мистер Амброзиус занимал на втором этаже самую дальнюю комнату, расположенную возле винтовой лестницы для слуг. Агата и миссис Бонс, поднимаясь, старались миновать этот пролет как можно быстрее, осеняя себя крестным знаком.

– Против самого мистера Амброзиуса я ничего не скажу, – жаловалась повариха, когда мы с Агатой навещали ее на кухне. – Приятный господин и настоящий жентмун, что и говорить. Но его чародейство у меня уже вот где сидит! – маленькой ладошкой, испачканной в муке, она резко провела по шее. – Ночами заснуть не могу, все молоко извела, чтобы этих... с Той Стороны отвадить. Так и лезут, так и лезут, балбесы! То приправы мне все перепутают, то тесто сглазят!

Наша повариха родом была из Кэмбри и, как многие северяне, относилась с большим почтением к волшебным созданиям. Смуглая, пышная и невысокая, она ловко кружилась по кухне и сама была похожа на румяную плюшку только что из печи.

– Нет, эти яблоки нужны мне для теста, – сказала она, отняв у меня миску, в которую я собиралась высыпать мелко нарезанные дольки. В другой тарелке Агата перебирала изюм. На кухне миссис Бонс распорядилась нами, как королева – своими верными подданными.

– Я сегодня подам жареную куропатку с грибами и фасолью, печеночный паштет, артишоки в соусе на закуску и мое фирменное печенье: песочное тесто, начиненное изюмом, мин-

далем и яблоками, да чуток апельсиновой цедры, да капелька коньяку. И пусть только попробует кто-нибудь из этих мелких поганцев подойти к нему хотя бы на шаг!

Мы с Агатой внимали ей, затаив дыхание.

В отличие от слуг, я наоборот подолгу застревала на площадке перед комнатой Амброзиуса. Из таинственной обители волшебника временами раздавались странные звуки: то шипение, то какое-то заунывное пение, то приглушенные ругательства. Так и подмывало заглянуть туда хоть одним глазком! А теперь, с одобрения самого хозяина, у меня появился законный повод удовлетворить любопытство.

Постучав в заветную дверь, я прислушалась и, не дождавшись ответа, решительно ее распахнула. Вдруг послышался резкий хлопок, вспышка света полоснула меня по глазам. Меня спасла быстрая реакция. Я резко пригнулась – и железная крышка просвистела над головой. А потом вонзилась в стену на целый дюйм.

Переведя дух, я подумала, что, вероятно, Фонтерой послал меня сюда в надежде избавиться от докучливой гостьи раз и навсегда.

– Я понял! Понял, в чем была моя ошибка! – воскликнул сияющий волшебник, высунув голову из-под стола.

– Не бережете вы себя, господин Амброзиус, – укорила я его.

На столе стояло множество пузырьков и склянок с разнообразными декоктами. Я опознала грибную плесень в мисочке, пучок мышинных хвостов и горку навоза (по запаху). В некоторых емкостях что-то подозрительно бурлило, испуская шипение. Старинные флаконы из мутного хрусталя стояли здесь вперемешку с простыми пузырьками темного стекла, снабженными бумажными этикетками. Названия были все незнакомые. Рядом валялись коробки из необычной глянцевой бумаги с загадочными надписями. В общем, стол Амброзиуса представлял своеобразное зрелище и к тому же вонял, как Тесса после разлива.

– Что такое «циталограм»? – прочитала я на одной из коробок.

– Ничего не трогай, – поспешно сказал волшебник.

– Кажется, я поняла. Вы хотите приготовить зелье, чтобы избавить графа от драконьего облика?

– Да! – воскликнул Амброзиус, пригладив взъерошенные седые волосы. – Клянусь пером феникса, я найду лекарство, подавляющее драконью сущность и не вызывающее побочных эффектов вроде галлюцинаций, гипертермии и бредовых расстройств!

– Я бы с радостью вам помогла, – искренне сказала я, так как чувство вины все еще саднило у меня в груди. – Если вам вдруг понадобится кровь девственницы или, к примеру, прядь волос – только скажите.

Мистер Амброзиус взглянул на меня с новым интересом, как шеф-повар на редкую дичь.

– Интересно... И как далеко ты готова пойти?

– Что значит «как далеко»? – настороженно спросила я.

Любой человек знает, что с волшебниками нужно держать ухо востро. Иначе оглянуться не успеешь, как пообещаешь отдать ему в услужение своего будущего седьмого сына или вручишь собственную душу. На всякий случай я поспешила сменить тему:

– Вообще-то я пришла по другому поводу. Лорд Фонтерой сказал, что вы хотели дать мне несколько уроков. Вроде того, как красиво есть рыбу в гостях и все такое.

– Ах, да! Совсем забыл! – Волшебник хлопнул себя по лбу, нечаянно смахнув на пол несколько пузырьков. Я рыбкой нырнула под стол, хотя в этот раз, на удивление, ничего не взорвалось.

Когда я снова отважилась выползти на свет божий, в центре стола лежала здоровенная книжища в изъеденном коричневом переплете. Рисунок на обложке почти стерся. Амброзиус стоял рядом, очень довольный собой.

– Я нашел для тебя уникальный экземпляр: полный список наставлений для юных благородных дам. Им пользовалась сама королева Элеонора!

Передав книгу, он опустил тонкую, почти невесомую руку мне на плечо и дружески его сжал:

– Ступай, дитя мое, грызи кирпич науки.

– Вижу, кто-то уже пытался, – пошутила я, намекая на сохранность переплета. Возможно, у этой королевы Как-ее-там были ручные мыши.

Книгу я взяла, чтобы не обидеть волшебника, но про себя сомневалась в ее полезности. Судя по виду, она была написана пятьсот лет назад. Я понимаю, конечно, что в светском обществе чтут традиции, но не настолько же! Скорее всего, уроки Ушлого Гарри послужат мне лучшим путеводителем на пути к gentility, чем талмуд господина Амброзиуса.

Глава 8

Итак, спустя двое суток, после бесконечных примерок, тренировок со столовыми приборами и нудных заучиваний титулов я действительно ехала на свой первый прием в посольский особняк на Кози-плейс.

Агата и мисс Нидли с самого утра взяли меня в оборот, так что сейчас я выглядела как воздушный розовый кекс в меховой накидке. Горничная безжалостно затянула меня в корсет, отчего талия стала умопомрачительно тонкой, и так долго расчесывала мои каштановые волосы, что они заблестели, словно вода в реке. Потом прибыла мисс Нидли с нарядами, упакованными в серебряную бумагу. Она умело накинула на меня платье из розового газа, не потревожив ни единого волоска в прическе, и расправила складки на кринолине. Из-под пышного подола выглядывали белые атласные туфельки с сияющими пряжками. Агата помогла застегнуть ожерелье и браслеты, присланные графом.

– Надеюсь, застежки крепкие? – занервничала я. Не хватало еще потерять такую роскошь, потом всю жизнь не расплатимся!

– Не бойся, не потеряешь, – улыбнулась Агата. – Ах, до чего ж ты хороша! Посмотри сама!

– Да, чудесное платье, спасибо.

Мне вдруг сделалось очень страшно – и жарко от стыда за свой глупый страх. Я даже не могла толком рассмотреть себя в зеркале, отражение расплывалось, голоса Агаты и мисс Нидли гулко отдавались в голове, словно удары колокола. Женщины шумно восхищались своей работой и обращались со мной как с куклой – роскошной куклой, из тех, что выставляют в витринах дорогих магазинов. Когда-то мы с Глэдис могли бы душу продать за такую игрушку.

Мне было интересно, как воспримет лорд Фонтерой мое превращение, но он ничего не сказал. Спустившись в холл, граф вежливо предложил мне руку, а в карете заботливо помог укрыть ноги меховой полостью. Кучер стегнул лошадей, и мы отправились. Мое сердце бешено колотилось. С каждой минутой я приближалась к блестящему эшафоту, где десятки людей будут исподтишка смеяться надо мной и показывать пальцем. Если бы не долг перед Тревором и Фонтероем, я бы выскочила из кареты – и поминай, как звали.

Когда я почти совсем извелась от переживаний, мою руку вдруг накрыла теплая ладонь:

– Выше нос, мисс Энни, – сказал Фонтерой. – Где ваша храбрость? Вы не побоялись дать отпор тем головорезам в Кречи, так неужели струсите перед кучкой разряженных бездельников?

– Как представляю, что все они будут смотреть на меня... – простонала я.

– Не хотелось бы задеть ваше самолюбие, но не думаю, что на вас обратят особое внимание. Разве что спросят: «Кто эта провинциалочка, которую привел с собой Фонтерой, и с каких пор он заделался покровителем юных дебютанток?» Поверьте, это вовсе не страшно.

Его голос звучал едко и насмешливо, но его рука казалась такой твердой и надежной... Я прерывисто вздохнула. Почти невидимый в глубине кареты, Фонтерой, кажется, усмехнулся:

– Полно, дорогая, это мне полагается нервничать, а не вам. Ведь это я тащу в приличное общество неграмотную авантюристку!

– Неграмотную? – Оскорбленное чувство собственного достоинства заставило меня позабыть о страхе. – Я вообще-то умею писать. Более того, разными почерками. Дайте мне несколько часов, и я так подделаю ваше письмо, что не отличить от оригинала!

– Дитя многих талантов, – сокрушенно пробормотал Кеннет. – Где вы только этому научились?

Вместо уютного полумрака кареты перед моими глазами вдруг предстала крохотная каморка, озаренная засаленным светом старой лампы.

– Несколько лет назад неподалеку от нас жил один ученый человек, мистер Дринкли. Кажется, раньше он был монахом, но слишком любил приволокнуться за... в общем, слишком любил приключения, так что ему пришлось покинуть монастырь. В конце концов жизнь привела его в Кречи. Ему нравилось заниматься со мной. Я выучилась чтению, письму и даже сацилийскому языку... немножко. Дринкли хвалил меня за скорость. Говорил, что я далеко пойду.

– О, в этом нет никаких сомнений! – воскликнул Фонтерой. Его глаза весело блеснули.

«Если только тебя не повесят, дитя мое», – добавлял мой наставник, но об этом я предпочла умолчать. Тем более что мы уже приехали.

Услужливый лакей помог нам выбраться из экипажа. Возле парадного крыльца собралась очередь из карет, и в холле была тьма тьмуцающая народу, так что во мне снова проснулась паника. Другой лакей принял из рук Фонтероя пальто и мою роскошную меховую накидку, к которой я никак не могла привыкнуть. Надеть такую – все равно что завернуться в теплые деньги.

Я заметила, что другие дамы были одеты так же нарядно. Некоторые поглядывали на нас с интересом. Глаза разбегались от обилия позолоты, огней и зеркал. В одном высоченном зеркале я вдруг увидела лорда Фонтероя под руку с незнакомой дамой. Ее каштановые локоны блестя в свете свечей, на шее и запястьях поблескивали драгоценности, пышные розовые юбки облаком окутывали маленькую стройную фигуру. Честное слово, мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что это – я.

Глядя в зеркало, я поняла одну вещь. Чтобы стать невидимкой, не обязательно прятаться в тени. Блестящее оперение тоже может быть отличной маской. Ни один человек не разглядел бы в этой райской птичке настоящую Энни Фишер. Уверенности у меня сразу прибавилось, и я, рука об руку с графом, легко поднялась по лестнице, покрытой красным ковром. На самом верху нас приветствовали радушные хозяева.

Виконт де Шарбон, посол Сац依ии, был облачен в нежно-голубой, ладно скроенный фрак, но, к сожалению, это не могло скрыть тот факт, что спина его была кривой, как у горбуши. Его жена, сияющая улыбкой и блестящей диадемой в темных курчавых волосах, неуловимо напомнила мне Рут Бобарт, отчего я сразу почувствовала себя как дома. То есть как в Кречи: вроде бы вокруг все свои, но лучше не расслабляться.

Скользкий сацилийский посол, видимо, жаброй чуял, что мы явились по его душу. Он рассыпался в любезностях перед графом и поскорее сплавил его другому собеседнику – лорду Пенвику. Насколько я помнила, этот пожилой господин тоже заседал в Верхней палате и занимал какой-то важный пост в министерстве. Фонтерой обменялся с ним парой слов, а затем потащил меня дальше.

– Хочу познакомить вас с моей невестой, – бросил он на ходу.

Его невеста! От неожиданности у меня чуть ноги не отнялись. Я и забыла, что Кеннет почти женат! Почему-то сейчас это известие больно меня задело. Запнувшись, я на миг потеряла Фонтероя из виду в блестящей толпе, но сейчас же увидела снова: он стремительно направлялся к какой-то тощей белобрысой вобле, одиноко стоявшей возле окна. Ладно, будем беспристрастны – к очаровательной белокурой девушке в голубом платье из люстрина и в туфельках с блестками. Любой нормальный человек, кроме меня, счел бы Клариссу Эмберли красавицей. Она имела стройную фигуру, пышные волосы и тонкие, слегка надменные черты лица. Хотя была, пожалуй, бледновата. Природа, рисуя ее внешность, по какой-то прихоти выбрала акварельные краски, щедро разбавив их водой.

Судя по натянутой улыбке, леди Эмберли тоже была не в восторге от встречи со мной. Я опоздала к началу их разговора, но, кажется, Фонтерой просил невесту позаботиться обо мне и представить почтенному собранию. Я прекрасно обошлась бы без ее услуг! Леди Кларисса мялась в нерешительности, как гусыня перед незнакомой лужей. Ее руки нервно сжимали великолепный веер из слоновой кости.

– Но что скажут люди? – спросила она наконец.

– Прошу тебя, дорогая, только один-единственный вечер! Через два дня приедет тетя Элейн, и я препоручу ей заботы об Энни.

– Что? – вскрикнула я. Какая еще тетя? Не дай бог!

– Ты удивлена? – Фонтерой с улыбкой обернулся ко мне. – Думаешь, у такого монстра, как я, не может быть любимой тетушки?

Я живо представила себе пожилую дракониху, которая будет рычать на меня и таскаться следом по светским гостиным, гремя чешуей. Крыса-Кларисса сразу показалась не таким уж плохим вариантом.

– Вы давно приехали в Эшентаун? – с нарочитой вежливостью спросила меня будущая леди Фонтерой. – Странно, что Кеннет никогда не упоминал о вас!

– О, да он меня почти и не знал! – Я ослепительно улыбнулась. – Мы с Кеннетом познакомились совсем недавно, когда я так некстати заявила в его спальню...

На этом месте Фонтерой ловко сунул мне блюдо с ореховым щербетом и развернул в сторону лакея.

– Ступай-ка выпей лимонаду, милая кузина.

Действительно, мне не помешало бы охладить голову. Понятия не имею, что на меня нашло, словно бес за язык тянул! Но меня ужасно раздражала эта белобрысая высокомерная дылда, цедившая слова сквозь зубы и сразу предьявившая права на Кеннета.

Если все аристократки такие, я здесь долго не протяну.

Когда я увидела лакея, то мое негодование вмиг сменилось изумлением. Это был Фокс! Лопнуть мне на месте, Фокс в фиолетовой ливрее, с напомаженными волосами, так ловко управлявшийся с подносом, словно всю жизнь этим занимался! На подносе в бокалах пузырилось шампанское. Чудесно, давно мечтала его попробовать. Не желая портить себе вечер, я постаралась заглушить кольнувшее раздражение. Следовало ожидать, что Старик не отпустит меня сюда в одиночку. Это было, пожалуй, обидно, но все равно я была очень рада видеть кого-нибудь из своих. Хоть одно родное лицо в этой разряженной, душной толпе! Когда он приблизился, я едва сумела сдержать неуместную улыбку. Фокс галантно поклонился, вложил мне в руку бокал и исчез.

Вздыхнув, насколько позволял корсет, я сделала крупный глоток.

В бокале оказался лимонад.

Пока Кеннет любезничал со своей дамой, мое внимание привлек один из гостей. Это был невзрачный человек средних лет со странно выпученными глазами и несколько суетливыми манерами. Он подобострастно раскланялся с какой-то дебелий дамой в ошеломляющем тюрбане, увенчанном павлиньим пером, затем долго беседовал с лордом Пенвиком. Фигура этого господина словно чуть расплывалась в воздухе, и на минуту мне показалось, что я вижу сквозь него мерцающие огоньки свечей. Я поморгала, решив, что зрение меня обманывает. Тем временем странный человек исчез в толпе, но вскоре вдруг появился в противоположном углу залы – на хорах, где собирались музыканты. Он отдавал им какие-то распоряжения. Очень интересно. Что это за тип с повышенной светопроницаемостью?

– Похоже, Тревор в вас не ошибся. Вы действительно наблюдательны, – прозвучало за моей спиной.

Я резко обернулась и остолбенела. Передо мной стоял один из самых красивых людей, которых мне доводилось встречать. Его светлые, почти белые волосы волнами обрамляли высокий лоб, на котором выделялись изогнутые черные брови. Холеное лицо тоже поражало своей бледностью, а темно-синие глаза мягко блестели.

– Господин, который привлек ваше внимание, – это мистер Лайбстер, секретарь саццилийского посольства. Виконт де Шарбон привез его с собой. Говорит, что без своего секретаря

он как без рук. Мол, тот работает за троих и умеет бывать в двух местах одновременно. Очень полезное качество, не находите? Я знал трех человек, владеющих схожим искусством. И все они работали на Сацилию.

– И, вероятно, все они плохо кончили?

– Если бы это было так легко, – с искренним сожалением вздохнул Белый лорд. – Эти господа так расторопны, что иногда даже тени не отбрасывают, зато тень от Сацилии расплзается все дальше и дальше. Она уже накрыла Лигерчи, Астилию, зацепила Миснийскую империю и теперь подбирается к Биарланду... Вы слышали, что они собираются закрыть для нас порты в Цинтрии? Если это случится, нам придется туго. Поэтому сейчас нам как никогда нужен Фонтерой! Он непревзойденный дипломат.

– Никогда бы не подумала! – искренне сказала я, наблюдая, как мистер Лайбстер, отделившись от группы гостей, отступил к окну, а затем словно слился с портьерой и... исчез. Вот это фокус!

– Впечатляет, не правда ли? – согласился мой странный собеседник. – Главное, почти никто из окружающих ничего не замечает. Этот тип умеет отводить людям глаза.

«Как и вы», – подумала я. Интересно, кто этот человек? Он знает Тревора и, похоже, в курсе нашей проблемы. Или это ловушка? Вообще-то ему следовало представиться. Разве это не против приличий, беседовать со мной, хотя мы не знакомы друг с другом? Однако Белый лорд держался так уверенно, словно ему все было позволено.

К счастью, Фонтерой вовремя вспомнил о своих опекунских обязанностях и подошел к нам, держа под руку Клариссу. На его лице вспыхнула радостная улыбка:

– Ингрэм! Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть! Энни, позволь представить тебе лорда Мериваля, моего старинного друга еще со времен колледжа. Ингрэм, это Энни Фишер, моя кузина, которая любезно согласилась приехать в Эшентаун, чтобы уладить одно небольшое семейное дело.

"Лишь бы они не вздумали сейчас углубиться в студенческие воспоминания, – подумала я, улыбаясь Меривалю и в то же время стараясь не потерять из виду тощую фигуру сацилийского секретаря. – У нас тут затеваются дела посерьезнее!"

– Надеюсь, что вы сможете помочь Фонтерю, – слегка поклонился Мериваль.

С этими словами он послал мне долгий многозначительный взгляд. На лице Клариссы появилось кислое выражение. Светское чутье ей подсказывало, что нас троих объединял общий секрет, который ей почему-то не потрудились сообщить.

– Да, мне как раз очень нужно поговорить с вами насчет нашего дела, – заявила я, стараясь незаметно отгеснить Кеннета от вцепившейся в него Клариссы. Ничего не могу с собой поделать, в присутствии этой особы у меня аж язык щиплет от множества колкостей, которые так и просятся наружу. Мериваль едва заметно улыбнулся, словно прочитав мои мысли, и предложил леди Эмберли взглянуть на картины виконта де Шарбона, которые, по его словам, были чудо как хороши.

Прежде чем она успела отказаться, нас позвали к столу. Кеннет предложил мне руку, чтобы проводить меня в столовую, а Клариссе пришлось удовольствоваться обществом лорда Мериваля. Я всей кожей чувствовала ее взгляд, яростно сверливший мне спину.

– Нельзя ли усадить меня так, чтобы я хорошо видела вас, мистера Лайбстера и виконта – всех троих? – вполголоса спросила я у Фонтерю.

Он мягко улыбнулся:

– Это невозможно, если только вы не хотите заработать себе косоглазие. Успокойтесь, моя милая сыщица, места за столом были распределены заранее. Почему бы вам не забыть на время об амулете и не постараться просто получить удовольствие от этого вечера?

Мое возмущение не знало границ. Да как он может шутить! Поразительное легкомыслие.

Длинный стол был залит сиянием десятков свечей. Сверкало серебро, искрилось граненое стекло, рубинами посверкивало вино в бокалах. Среди гостей было несколько именитых персон, я узнала четырех представителей дипломатического корпуса и двух кабинетных министров, чьи имена мистер Тревор заставил меня выучить наизусть. Их присутствие придавало значительность сегодняшнему вечеру. Слышалось позвякивание столовых приборов и приглушенный гул светской беседы, в которой я, поглощенная слезкой, принимала очень мало участия. Правда, мистер Лайбстер больше не проявлял никаких необычных способностей, да и виконт тоже не давал повода для подозрений. Он вел себя как обычный гостеприимный хозяин: развлекал соседей по столу, сыпал шутками, которые из-за его акцента казались еще смешнее. О политике, разумеется, никто не говорил. В течение всего обеда мне не удалось уловить ни одного двусмысленного намека на волшебство, мистику, амулеты и прочие чудеса.

Увлечшись наблюдением, я едва не опозорилась, ткнув десертной вилкой в кокотницу, но вовремя спохватилась, перехватив ироничный взгляд леди Эмберли. Как удачно, что она сидела неподалеку! Какие бы чувства я к ней ни испытывала, но по части манер она была настоящим экспертом.

После ужина Кларисса оказала мне большую услугу, представив меня некоторым гостям в зале. Я не сразу поняла причину такой любезности, но вскоре разгадала ее маневр, когда музыканты на хорах заиграли контрданс. Мадам де Шарбон пожелала развлечь гостей танцами, и Кларисса немедленно упорхнула под руку с Кеннетом, оставив меня в компании двух пожилых джентльменов. Учитывая истинную цель моего пребывания здесь, это было даже кстати. Я старалась держаться в толпе, которая расступилась, освободив середину залы для танцующих. Кивая и улыбаясь новым знакомым, я переходила от одной группы к другой, внимательно прислушиваясь к разговорам. Неподалеку снова мелькнул Фокс, но тут же скрылся, заметив мой настойчивый интерес к его подносу. Ах так! Я нахмурилась и вздрогнула, внезапно услышав над ухом голос Фонтероя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.